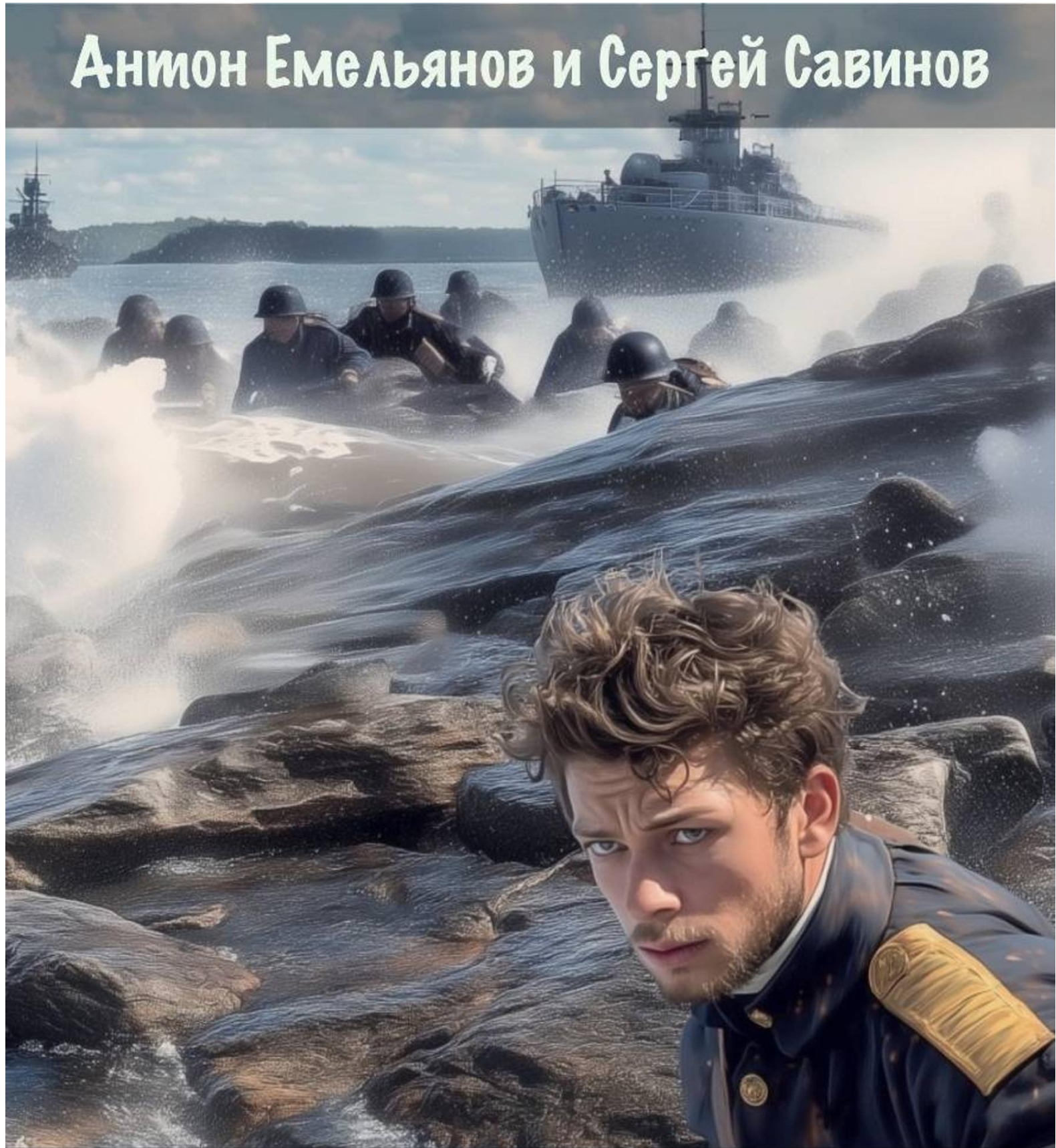

Антон Емельянов и Сергей Савинов

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. 1905

Книга седьмая

Сергей Савинов

**Японская война
1905. Книга седьмая**

«Савинов С.А.»
«Емельянов Антон»

2026

Савинов С. А.

Японская война 1905. Книга седьмая / С. А. Савинов —
«Савинов С.А.», «Емельянов Антон», 2026

Продолжение приключений попаданца на Русско-японской войне. Одна война
затихла, но новая уже совсем рядом. Кто будет другом, кто врагом? Еще
непонятно... Но что, если ударить первым?

© Савинов С. А., 2026

© Савинов С.А., 2026

© Емельянов Антон, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Савинов, Антон Емельянов

Японская война 1905. Книга седьмая

Глава 1

Сьюдад-де-Мехико, 1 июля 1905 года

Хосе Лимантур, несмотря на испанское имя, родился французом и, несмотря на родину отца, уже больше десяти лет был министром финансов Мексики при недавно отметившем 25-летие режиме Порфирио Диаса. Хосе совершенно не уважал этого миштекка. С одной стороны, он сражался за свою родину еще против американцев, дослужился до бригадного генерала, разбил войска императора Максимилиана, прогнав из Мексики австрийцев. С другой, ученик Бенито Хуареса, который и создал современную Мексику, Диас выступил против преемника своего учителя. При поддержке из Вашингтона сверг только что победившего в выборах Лердо и с тех пор занимал пост президента.

Нет, формально, в рамках конституции, запрещающей избираться два раза подряд, с 1880-го по 1884-й его сменил ставленник Мануэль Гонсалес, но потом Диас вернулся. Мешающую поправку убрали, а срок полномочий увеличили с 4 до 6 лет. Политические игры, которые сам Хосе не очень любил, но президент поддерживал его самого и его группу сантификос, которые работали над привлечением в страну иностранных капиталов, и это помогало им мириться друг с другом. Деньги – идеальная смазка для любых отношений.

– Какие новости? – Диас отошел от окна, откуда открывался вид на долину Мехико и вулкан Попocateпетль.

Президент уже постарел, и Хосе, зная, что тот не любит слушать на ходу, дождался, пока тот усядется за свой тяжелый рабочий стол прямо под огромным портретом Бенито Хуареса. Забавно, несмотря ни на что, Диас все еще продолжал считать себя его учеником.

– Японцы закончили в Энсенате возведение башни связи, на которую купили лицензию у русских. Уже три дня ведут трансляции, и те наши, и американцы, что сумели приобрести себе царские приемники, теперь по вечерам слушают их передачи.

– О нас ничего лишнего не болтают?

– Либо очень уважительно, либо ничего.

– Этот китаец, что для них все организует... Как его, Ли Си Цын? Похоже, очень умный человек.

– Это не китаец, – поправил президента Хосе. – Русский, правильно говорить Лисицын, но лично я уверен, что это ненастоящая его фамилия.

– Значит, японцы и прочие азиаты – это просто прикрытие, – Диас задумался. – Возможно, оно и хорошо. А то американцы в последнее время все сильнее волнуются, что к нам идет все больше английских денег. Как бы не решились на новую войну. Уж лично я не сомневаюсь, что «Стэндрат Ойл» хватит для этого влияния и денег.

Хосе в войну не верил, но спорить на эту тему с Диасом не видел смысла.

– Русские через японцев скупили еще несколько малых скважин и ставят оборудование для переработки нефти. Также им интересна сталь и... Я думаю, они хотят зайти на рынок Северо-Американских Штатов, но не решились делать это напрямую. Впрочем, такие опасения нам только на руку: деньги, технологии, рабочие места. И, как вы сказали, нашим северным соседям станет спокойнее, когда они поймут, что мы работаем не только с Британией.

– Кстати, а известно, откуда у русских столько денег? – заинтересовался Диас. – Нет, я слышал, что царь чертовски богат, но они только недавно подмяли под себя восток Китая. Это недешево.

– А вы слышали, что еще они передавали по своему радио? – поджал губы Хосе. – Рекламу каких-то японских водорослей, которые делают кожу молодой и гладкой.

– Как в газетах? Только словами и... А эти водоросли работают?

– Вот! – вскинулся Хосе. – А теперь представьте, что из-за русских трансляций этим же вопросом задались в каждой из великих держав. И ладно мы, мужчины, но об этом слышат и женщины, а японцы как раз пригнали свои торговые суда, где как раз – о, чудо! – есть те самые водоросли. За очень большие деньги!

– Сколько?

– Десять долларов набор для одной маски.

– Не так и много.

– Но их требуется несколько – по инструкции, хотя бы по одной штуке раз в неделю. И люди покупают! Даже у нас разобрали всю партию. В Сан-Франциско за ними, по слухам, началась настоящая охота. Не знаю, как отреагируют на подобную кампанию в Старом свете, но даже так... Тот, кто все это придумал, заработал миллионы. И заработает еще больше.

– Почему?

– На меня выходили люди, общающиеся с этим Лисицыным, и он намекнул, что с ним можно обсудить подобную рекламную кампанию для нас.

– И что же вы хотите продавать? – Диас почти искренне вздохнул. – Почти все, что производит Мексика, сейчас принадлежит не нам.

– Можно рекламировать не просто товары, а людей. Рассказать о вас, о ваших достижениях, и тогда... Любая попытка поднять народ против правительства натолкнется не только на страх, не только на иностранцев и на ваших, будем честны, уже старых сторонников. Но и на молодежь! На тех, кто восхищен наукой и готов верить каждому ее слову.

Лондон, Даунинг-стрит, 10

Некоторые привыкли считать, что агрессивная политика Солсбери и Бальфура была единственно возможной для Британии, но кабинет Генри Кэмпбелла-Баннермана собирался доказать, что это не так. Либералы взяли кресло премьера еще в январе 1905 года, но только к лету смогли более-менее закрепиться, чтобы начать вести страну по новому курсу.

– Несмотря на свои ошибки, – говорил Генри собравшимся в кабинете союзникам, – кабинет Бальфура правильно сделал, заключив договор Сердечного согласия с Францией. А вот попытка сразу выкрутить Парижу руки, заставив их начать блокировку русского флота – это ошибка. Наш главный противник – это Германия, больше половины товаров на британском рынке сделаны у них. Наши колонии, хоть и стоят под нашим флагом, с каждым годом все больше и больше закупают товары Берлина, принося деньги им, а не нам. Поэтому я считаю, что политика блестящей изоляции 19 века должна быть официально завершена. Сердечное согласие – это не исключение, а только первый шаг. Мы добавим в союз Россию. Компромисс в Азии – это небольшая цена за то, что сделает нас сильнее и позволит удержать мир под нашей рукой без риска войны. Мягкая интеграция Южной Африки, Индии, Египта – вот наши настоящие цели.

Генри говорил и видел, как кивают на его слова канцлер казначейства Асквит и министр торговли Ллойд Джордж, а вот приглашенный от военных кругов лорд Бересфорд, наоборот, чем дальше, тем больше кусал губы.

– Я согласен с вами, – вот он все-таки не выдержал и начал крутить привычные для 19 века, в котором родился, вырос и застрял, кружева. – Британии необходимы либеральные реформы, чтобы народ успокоился, поверил в себя. Но нельзя забывать о том, для чего это нужно Британии в перспективе. Войны не избежать! И мы готовим людей не просто так, а чтобы они стали нашим бетонным тылом, на который сможет опереться армия. Некоторые считают, что война будет молниеносной, но знаете, мне гораздо ближе мнение тех, кто пишет, что

она будет длиться как Семилетняя, а потеря будет как в Тридцатилетней. Это вопрос нашего выживания, и одной гонкой флотов тут ничего не решить.

Премьер-министр криво усмехнулся.

– И кто станет нашим врагом в этой войне? Вильгельм? Если мы лишим его доступа к новым рынкам, Германия будет вынуждена затянуть пояс. Николай? Да, он сейчас очень ловко играет на наших противоречиях...

– Что вы имеете в виду? – быстро спросил Асквит.

Либерал и очень мягкий человек, как рисовало его общественное мнение, но Генри помнил и о том, что именно Асквит в 93-м во время шахтерских беспорядков в Йоркшире отправил туда сначала полицию, а потом и армию. Быстро, жестко и эффективно – тогда от стрельбы по толпе погибло всего двое, и множества жертв, которые бы неизбежно появились, затянись все это дело, удалось избежать.

– Русский флот, – пояснил Генри. – Николай не спешит его вытаскивать из Ханоя, и это разумно. Как боевая единица он ему сейчас без надобности, а вот как повод получить уступки – это да. И чувствующие себя виноватыми французы, и почуявший шанс вбить между нами клин Вильгельм – сейчас все обхаживают русского царя, и поток золота и технологий, что и раньше текли на восток, вырос в несколько раз.

– Долго это продолжаться не будет, – пожал плечами Асквит. – Рано или поздно царю придется делать выбор, а... Разве он сможет выбрать Германию, учитывая, как ту интересуют исконно русские земли в Польше и Прибалтике?

– В том-то и дело, что на самом деле они могут договориться. Европейские приобретения для Вильгельма стоят далеко не на первом месте, и если Россия поможет ему решить вопрос с колониями, то... Договор возможен. Сложен из-за противоречий на Балканах, где Германия поддерживает Австро-Венгрию, но возможен! Поэтому-то я считаю, что хватит надеяться сломить другие великие державы. Союз с чистыми руками и помыслами – вот, что нам сейчас нужно. И главное, что мы можем себе его позволить.

– А вы еще не слышали? – лорд Бересфорд опять умудрился испортить всем настрой. – Мои знакомые из Франции успели опередить официальные телеграммы и еще утром прислали сообщение. Россия договорилась с Японией, и та закупила – у нас в Гонконге и закупила! – а потом привезла для флота Рождественского несколько десятков транспортов с углем. Так что еще день-два, и русский флот снова будет на ходу. А японцы точно показали, что готовы следовать за своим новым хозяином.

– Скорее тянуть его на дно, – не согласился Ллойд Джордж.

Тоже не самый однозначный персонаж. С одной стороны, все в Лондоне знали его как автора «Народного бюджета» – программы, которую он собирался подготовить к концу десятилетия и которая введет дополнительные налоги на роскошь и пустующие земли лендлордов. С другой стороны, он иногда, словно забывая о своей либеральной платформе, начинал рассуждать о полезности захвата чужих колоний или даже прямой интервенции. Лично Генри считал, что в глубине души старина Ллойд самый настоящий консерватор вроде Бальфура, но, опасаясь будущего социального бунта, он решил заранее сменить позицию и попытаться возглавить то, что в действительности пугало его до самых кончиков длинных несуразных пальцев.

– Пушки молчат уже полгода, и Япония с Россией пока скорее помогают друг другу, чем мешают, – не согласился с министром торговли Асквит.

– Пока! – важно поднял палец Ллойд. – Русские совершили большую ошибку, применив свою новую тактику и одновременно почему-то рассчитывая, что это изменит только войну, но не мир после нее.

– Что вы имеете в виду? – Бересфорд тоже заинтересовался.

– Как они побеждали? – продолжил Ллойд. – Они окружали японцев, обрезали им снабжение, и в итоге десятки тысяч солдат были не убиты, а просто сдались в плен. Вместо смерти

или понимания ужасов войны последние пополнения японцев горят жадой мести. Они верят, что проиграли незаслуженно. Как азартные игроки, которые, спустив последний фунт, верят, что еще одна игра, и они смогут все исправить.

Генри закивал, соглашаясь. Это было верно: в Японии собралось слишком много жаждущих дела людей. Молодых, неразумных, с оружием в руках. Возможно, если бы им подарили надежду, они смогли бы еще раз поднять голову и против русских, но те первыми их приручили. И что дальше?

– Думаете, японцы могут еще раз высадиться на континент? Пекин, французский Индокитай, немецкий Циндао, наши Вэйхайвэй или даже Гонконг и Шанхай?

– Сам Китай – точно нет, – тут же продолжил свои размышления Ллойд. – Россия сейчас кормит с него и свои земли, и своих марионеточных союзников. Нас тоже не тронут – Николай играет в свои игры, но это значит, что он в то же время понимает: если окончательно разорвать одни отношения, то это сразу же отдаст его в другие руки. Стать младшим братом Вильгельма – на такое он не пойдет. И по той же причине он не тронет и его владения.

– Значит, французы, – задумчиво закивал Бересфорд. – Вот почему русские привлекли японцев. Еще и чтобы не заключать с ними никакого соглашения, развязывая себе руки для любых будущих решений. Очень удобно: привязать союзника и ударить по врагу. Скажу честно, меня это восхищает. И возмущает. Русские начинают заключать и соблюдать соглашения так... Как самим Богом позволено делать лишь нам!

Все замолчали на несколько очень долгих секунд.

Царское Село, Александровский дворец

Сегодня Николаю не хотелось заниматься никакими делами. Все из-за цесаревича Алексея. Если все четыре дочери царя были бодры и полны сил, то вот наследник престола, которому уже скоро исполнится один год, выглядел болезненно, был бледен и часто без повода покрывался синяками.

– Даст Бог, мы со всем справимся, – Аликс села рядом с Николаем и крепко обняла. – Если он помог России справиться с внешними бедами, то и нас точно не оставит.

Жена, как всегда, помогала Николаю заметить самое главное. Он выдохнул и немного приободрился.

– Да, пока ситуация складывается весьма удачно. Официально Париж с нами не общается, но частный капитал из Франции все чаще напрямую ищет нашей благосклонности. Словно пытается умаслить... И Берлин тоже не собирается им уступать. Мы уже прямо в этом году сможем начать вторую ветку Трассиба, открыть новые механические заводы, причем не только для армии, но и для гражданских. Одежда, бытовые мелочи, даже медицинские приборы – Плеве каждую неделю приносит мне списки новых товариществ, которые нашли себе финансирование и начинают развиваться. Вот только надолго ли это?

– Если сейчас все хорошо, то стоило ли идти на поводу у Макарова и принимать помощь японцев с вызволением нашего флота? Он, конечно, молодец: проявил инициативу, договорился, приняв на себя репутационный удар от сделки с проигравшими, но... Если раньше мы могли тянуть время, то теперь ведь придется действовать.

– На самом деле все не так плохо... – Николай вспомнил, как почти месяц назад с ним связался геройский генерал, которому он сам и дал право себе писать.

Тогда он сначала впал в ярость, что тот посмел лично о чем-то договариваться с недавним врагом, но потом... Подумал и понял, что на самом деле Макаров поступил правильно. Да, сделал больше, чем положено ему по статусу. Но он ведь не только генерал, Николай сам присвоил ему титул графа Маньчжурского, и тот уже вполне мог позволить себе гораздо больше. Быть аристократом по-настоящему: не только по титулу, но и по поступкам. Тем более, все договоренности были только предварительные, и последнее слово оставалось именно за царем.

– На самом деле, – Николай начал рассказывать свои резоны, – дольше держать флот в столь слабой позиции было уже опасно. Возможности – это хорошо, но и репутация тоже важна. А благодаря японцам мы смогли решить ситуацию, не показав своей слабости. И, более того, флот не останется без дела. В качестве благодарности мы будем патрулировать берега Японии в течение года – то есть мы формально не нарушаем баланс и сможем продолжать свою игру, балансируя между Берлином и Лондоном.

– Но можно ли полагаться на этих желтолицых варваров? – нахмурилась Аликс.

– Я тоже их не люблю, – кивнул Николай, невольно вспомнив 1891 год и саблю японского психа, чуть не забравшего его жизнь. – Но наше соглашение лишено рисков. Даже если японцы что-то выкинут, мы будем не обязаны их защищать. Война – их дело, мы же обеспечим лишь невмешательство третьих лиц. Грубо говоря, как их же договор с Англией до конфликта с нами.

– И все равно мне это не нравится...

– Что бы японцы ни сделали, – Николай еще раз все обдумал, – их успехи станут нашими успехами, их поражения – только их поражениями. Пока мир благоволит нашим шагам, нельзя упускать этот момент.

Сацума, замок Кагосима

Три главных человека восстания собрались, чтобы обсудить свои последние успехи и поражения.

– Давайте я начну, – князь Ито обвел взглядом сидящих на своих местах генерала Иноуэ и принцессу Казуэ.

Как и ожидалось, стоило каждому из них обрести власть, как вместе с ней вылезли и проблемы. Генерал начал слишком много думать о человеческих жизнях, а молодая Такамори... просто слишком много себе позволяла. Тот же титул принцессы. Сколько Ито стоило усилий, чтобы после появления первых слухов удержать императора Мацухито от немедленной попытки атаковать Сацуму, наплевав на все договоренности!

Тогда все получилось. Он подобрал нужные слова: объяснил необходимость сохранять правильные отношения между сословиями даже во время мятежа, а также... придумал сказку про амбиции Казуэ попасть в императорскую спальню. Последнее помогло императору окончательно понять для себя мотивы Такамори, и он сразу успокоился. Вот только сам-то Ито прекрасно знал, что соврал.

Если Казуэ о ком-то и думала кроме себя, то только об одном русском генерале. Правда, она пока ни разу не сказала это вслух и, возможно, даже еще самой себе не сумела признаться в этом... И это было хорошо! Так Ито будет гораздо проще в нужный момент наставить ее на путь истинный.

– Может, я? У меня немного новостей, – Казуэ привычно попыталась перехватить инициативу в разговоре.

– Я уже слишком старый человек, – Ито, впрочем, давно нашел способ бороться с девушкой. – Мне проще сразу выговориться, а потом только слушать, – он дождался, когда Иноуэ с Такамори так же привычно кивнут, и тут же продолжил. – Тогда новости из Токио. Мы завершили трехстороннюю встречу с адмиралом Того и императором.

– Вы же говорили, что уже договорились с каждым из них, – напомнила Казуэ. Вот же торопливая девчонка.

– Так и ведут дела в политике, – Ито старался быть терпеливым. – Сначала договариваются с каждым по отдельности, потом вместе. Какие-то вещи можно сказать только на первых встречах, другие – только на вторых. Так мы успеваем и решить все несложные противоречия, и так или иначе проверить наш союз на прочность. Временем и амбициями.

– И они согласились?

– Мы просили больше и получили то, что могли получить, – продолжил Ито. – По настоянию императора адмирал Того никуда не поплывет, чтобы командовать обороной Японии

от возможных атак. Вместе с ним останутся два линейных броненосца «Микаса» и «Фудзи», четыре броненосных крейсера, 6 легких и 12 эсминцев. Также будет отдельный отряд со стороны Окинавы, чтобы прикрыть нас в случае американской атаки с Филиппин. Туда хватит старого «Чин-Иена» – он медленный, но его калибры все еще могут навредить даже самым современным кораблям. Вместе с парой крейсеров и эсминцев они смогут сдержать врага до подхода основных сил. И еще будет отряд со стороны Желтого моря. Тут можно было бы положиться на русских, но император хочет сам контролировать ситуацию, поэтому сюда пойдут еще два крейсера, броненосный и обычный, и отряд миноносцев.

– И что же тогда они готовы выделить для похода? – сжала зубы Казуэ.

– Вице-адмирала Камимуру, два броненосца, «Асахи» и «Сикисиму», четыре броненосных крейсера – мало, но сюда пойдут самые новые и быстроходные. Столько же обычных крейсеров и четыре отряда эсминцев и миноносцев.

– Это меньше, чем мы рассчитывали!

– Этого достаточно, чтобы выполнить первые задачи плана. Сопровождение десанта – раз, зачистка или блокировка кораблей на западном побережье – два, рейдерство на торговых путях – три. Встреча основного американского флота, который, безусловно, придет из Атлантики, чтобы разобраться с нами, будет иметь смысл, только если мы справимся со всеми сложностями до этого. Император не хочет спешить.

– Император? Не Того? – переспросил Иноуэ и понимающе закивал. – Ну конечно! То-то меня сразу смутила фигура Камимуры как командующего эскадры. С одной стороны, он вице-адмирал, с другой – еще недавно он командовал только отрядом крейсеров. Успешно, но... На мой взгляд, этого недостаточно для столь быстрого роста и доверия.

– Все верно, – улыбнулся Ито. – Во время личной беседы с адмиралом Того мы обсуждали, что в последний момент именно он может занять место командира. Тогда «Фудзи» останется в Японии, а вместо него флагманом, как и раньше, пойдет «Микаса».

Про себя же старый князь отметил, что недавно подобная самостоятельность была бы невозможна. Но поражения на суше, которые обрекли на смерть ни разу не проигравший японский флот, подточили веру морских офицеров. В итоге Ито почти не пришлось стараться, чтобы убедить Того проявить самостоятельность. Как он сказал адмиралу – ради блага Японии. Как он видел это сам – чтобы в том числе напомнить императору, на ком на самом деле держится эта страна.

– Значит, вы спорили о кораблях, о командовании, но... – Иноуэ замешкался, но в итоге задал этот вопрос. – Никто даже на мгновение не усомнился, что Японии нужна новая война?

– А был ли выбор? – вместо Ито ответила Казуэ. – Наш поход на Сацуму стравил пар, но все успели увидеть, как близка была Япония к гражданской войне. Промышленники, аристократия, император – все они боятся гнева, что поднимался с самого низа. Они прикрывают тылы, готовятся, чтобы сохранить побольше в случае нашего поражения, но в то же время прекрасно понимают, что иначе потеряют все. Полностью.

– Они боятся – это верно, – добавил Ито. – Но это не вся правда. Сейчас в Японии живет 46 миллионов человек. Довольно много, и всех их просто невозможно кормить тем, что можно вырастить и произвести только на наших островах. Если мы сдадимся, если позволим стране откатиться назад, то минимум половина этих людей окажутся лишними. Они не умрут от пуль и снарядов, но им просто некому будет дать работу, не будет хлеба, чтобы продать, даже если они найдут деньги. Сейчас мы держимся за счет русских поставок, но что, если их оборвать? Придет смерть! Поэтому Японии нужны колонии – иначе умрут миллионы. Нужна война, иначе нам никто не уступит место под солнцем. И нужно атаковать сейчас, потому что уже через год наши флот и армия начнут разваливаться и устаревать, в то время как остальные будут бежать вперед.

Ито видел, как Иноуэ сжимал зубы, представляя столько смертей. Что ж, он хотел сохранить как можно больше японских жизней – князь дал ему эту причину. Что же касается Казуэ...

– Я понимаю, для чего этот поход Японии, – тихо сказала девушка, – но мне бы хотелось понять еще и почему нам решила помогать Россия. Почему вместо того, чтобы плюнуть на нас, они, наоборот, подставили свое плечо?

– Мы решаем проблему этого года, – ответил Ито, который тоже немало думал над этим вопросом. – Они же помогают себе справиться с бедами, которые придут через десять или даже двадцать лет. Такова суть великих держав: они могут позволить себе думать о будущем, и за счет этого, снова и снова, остаются впереди всех остальных. Вероятно, и мы когда-нибудь сможем себе такое позволить...

– Но что за проблемы из будущего?

– Война, – ответил Ито. – Грядет война между великими державами. Некоторые надеются, что она будет быстрой, но после того, что я увидел в прошлом году... Возможно, те ужасы, которые как-то описал Макаров, были даже преуменьшены. Смерти, потери, разруха – победителей не будет. Вернее, в победителях останется тот, кто сможет до последнего держаться в стороне.

– Северо-Американские Штаты могли бы оказаться на этом месте, – поняла Казуэ.

– А мы, – продолжил Иноуэ, – нападая на Штаты, заранее ослабляем их перед будущей войной, но... – он задумался. – Если цель России в том, чтобы всех ослабить, то, получается, они не желают и нашей победы и могут предать в последний момент?

– Нет, – покачала головой Казуэ. – Тот же Макаров всегда держит обещания.

– Иногда можно пренебречь и репутацией, – покачал головой Ито. – Но в этот раз я согласен с тем, что Россия не предаст. Наоборот, наша победа, даже самая разрушительная, будет в ее интересах.

– Но почему? – спросил Иноуэ.

– Потому что, даже получив признанные всеми колонии в Калифорнии, даже намертво привязав их к себе и прикрыв стальным кулаком, мы вместе с ними получаем и гору проблем. Японская империя окажется рассечена на две части самым большим океаном в мире, и это на ближайшую сотню лет точно станет нашим естественным ограничителем. Местом, куда всегда можно ударить, если наши правители слишком много о себе возомнят, и это станет гарантией спокойствия для России с востока. Все просто.

Все еще немного помолчали, обдумывая последние слова князя. А потом уже генерал принялся рассказывать, как идет подготовка и обучение частей, что примут участие в десанте. Казуэ же рассказала о том, как смогла зафрахтовать половину транспортов, что пришли на восток вместе с эскадрой Рожественского. Очень удачно вышло: русским они были пока не нужны, а Япония получила сразу тридцать кораблей с опытом дальнего перехода. Хорошая работа со стороны Такамоори, но...

Старый князь еще раз посмотрел на девушку: надо будет кое-что организовать и напомнить ей, что на самом деле должно стоять для нее на первом месте. Макаров... Русский генерал, который опасен даже не своими талантами, а теми идеями, что невольно собираются вокруг него. Впрочем, а сможет ли он выжить, когда свои же соратники осознают, что именно он несет в этот мир?

Русская Маньчжурия, Инкоу

Гуляю по порту, слушаю маты борющихся с ветром чаек и крики рабочих.

– Май лорд! – где-то рядом помянул бога английский капитан, когда его корабль качнулся после не очень удачной погрузки очередного контейнера.

В последнее время, кстати, англичан стало довольно много. Кто-то наверняка шпионил, кто-то с интересом следил за ростом нового русского города, а кто-то просто приплывал за

деньгами. Заводы вокруг Инкоу с каждым месяцем производили все больше товаров, я следил, чтобы цены не ломили, и желающих подзаработать становилось все больше и больше.

Вот мимо в специальном грузовом контейнере провезли частично разобранный трактор. Не броневи́к, а действительно трактор. Их в последнее время распробовали и начали покупать: причем, как показало небольшое расследование, не куда-нибудь, а в Индию. Азиатские землевладельцы предпочитали, как и раньше, делать ставку на ручной труд, а эти посчитали плюсы, оценили, что теперь можно будет уменьшить количество мельтешащих вокруг бедняков, и пошли продажи. Так сказать, во имя эстетики и красоты.

В рамках денег, что мы выручали за военные заказы, тракторы приносили сушью мелочь, но я смотрел в будущее и искренне радовался, что сумел застолбить за собой еще один рынок. Также сама идея, что в мире станет больше еды и меньше голода, грела душу. Ну и, наконец... Чем больше тракторов покупали, тем дешевле их было собирать, и тем больше я мог заложить их под собственные стройки. Инкоу продолжал расти, и в голову приходили все более дерзкие идеи, которые хотелось поскорее воплотить в жизнь.

– Я слышал, кто-то сказал «мой лорд», – меня нагнал Огинский. – Это Казуэ вернулась раньше времени?

– Нет, просто кто-то из англичан ругается, – покачал я головой и мысленно вздохнул.

Не знаю, где и зачем Казуэ подхватила эту идею, но с тех пор, как я предложил нашим сацумским союзникам идею высадки в Америке, девушка только и называла меня, что «мой лорд». Я пытался выяснить, что она имеет в виду, но Казуэ только улыбалась и ничего не объясняла. Спрашивал у своих – те тоже ничего не понимали, но искренне веселились, смотря, как я от этого злюсь.

Мимо прокатил еще один контейнер – японский, и теперь уже в нашу сторону. Причем не факт, что там были английские или американские товары, которые мы чаще всего и заказывали через Сацуму. Как оказалось, довольно много они могли производить и сами: те же медные провода для приемников, передатчиков и любых других электроприборов, которые нам были нужны в любом количестве, тянули для нас именно японские заводы.

Чем-то это напомнило мне ситуацию в Германии после Первой Мировой. Страшное, обидное поражение. Унизительный мир, который хотелось поскорее забыть. И в то же время большая часть заводов и фабрик не пострадала. Наоборот, вернувшиеся после войны солдаты стали теми рабочими руками, которых до этого так не хватало, и германские товары снова начали покорять Европу. Тогда на экономику смотрели еще по меркам 19 века, и никто не увидел в этом опасности.

Сейчас... Япония, как мне кажется, тоже не видела этого шанса и поэтому согласилась на предложенную мной авантюру.

– Сколько мы уже тратим на японские товары? – спросил я Огинского, который отслеживал наши внешние контакты.

– Пока нисколько, – широко улыбнулся тот.

– Нашей доли хватает, чтобы все покрыть? – я только головой покачал.

– И скоро мы еще получим первый миллион сверху.

Когда мы все это начинали, одним из принципиальных пунктов моей позиции было то, что Россия и я лично не будем давать на это деньги. Продать оружие, технику, помочь спланировать операцию и даже отправить своих добровольцев – это да. Но вот деньги Сацуме нужно было заработать самим. Мы разве что опять же согласились помочь.

Как сказал один мудрый человек, чтобы купить что-нибудь ненужное, нужно продать что-нибудь ненужное. Собственно, исходя из этой идеи я и предложил Японии продавать уникальную косметику. Себестоимость сырья из местных водорослей стремится к нулю, аудитория – богатые женщины, которые сейчас совсем не избалованы средствами ухода, способ привлечь внимание – пара программ через наши радиостанции.

Если честно, я не сомневался, что это может помочь – все-таки первая реклама не на бумаге. Мы даже джингл записали: «Водоросли из Японии, даешь молодости и гармонии». Но приемников было еще немного, и будущие успехи оценивалось довольно скромно... Однако я не учел, что радио привлекало не случайных людей, а самых активных. Первые же трансляции запустили обсуждения в салонах, газетах и даже на улицах, а через месяц сацумская косметика стала известна по всему миру.

Наша доля – двадцать процентов от оборота, довольно скромно по нынешним меркам. Но даже так с учетом японских товаров уже успела накопиться пара миллионов. Значит, сами сацумцы смогли получить восемь. Минус затраты – будет раза в два меньше, но под новые товары им готовы были давать новые кредиты. И, что гораздо важнее, с радостью разрешали фрахтовать транспорты и закупать для них уголь, что в иных обстоятельствах могло бы вызывать очень много вопросов.

Начало двадцатого века. Главная проблема даже не найти деньги, чтобы купить, а найти того, кто сможет продать то, что нужно и в достаточном количестве. Но если мы с этим справились, то... С еще большим интересом я жду грядущей встречи. Через час начнется собрание в штабе, и мои офицеры будут представлять свои планы будущей высадки. Две главных идеи, у каждой свои плюсы и минусы. Свои бюджеты, свои прогнозы потерь...

Будем считать, будем думать, но... Уже сейчас понятно, что только за мной будет последнее слово, и только на мне будет ответственность за тысячи жизней, что уже сейчас закручиваются в водоворот самой большой десантной операции за всю историю.

Глава 2

Гуляю, смотрю, сравниваю... Все-таки то, что рождается у нас в голове, и то, что получается из этого в реальности, часто очень сильно отличается. Поэтому, вместо того чтобы поселиться рядом со штабом и не тратить зря ни единой минуты, я выбрал место для своего дома в самом обычном квартале. Отсюда можно было выйти и напрямую на Николаевскую, откуда до работы меньше десяти минут. Или даже прогуляться вокруг дальней дорогой, через порт и полигоны – в зависимости от того, что именно я сегодня хотел посмотреть.

И вот порт остался позади, меня с Огинским подхватила служебная машина, бодро разгоняясь по специальной выделенной полосе, и уже скоро до слуха долетел грохот моторов и перестук выстрелов. Я приказал остановиться на одной из наблюдательных позиций и первым делом сверился с висящим на стене расписанием.

– Значит, штурмовики из 2-го Сацумского корпуса, – я снова повернулся к полосе препятствий, где разбившаяся на небольшие группы рота японцев отрабатывала штурм укреплений.

– Слаженно работают, – Огинский оценил, как прибывшие на обучение солдаты прикрывают друг друга выстрелами и гранатами, не забывая при этом использовать и все доступные им складки местности.

И это не потому, что они успели зазубрить, что и где их будет ждать, как было бы, не меняй мы полосы препятствий каждую неделю. Да, так выходило сложнее, и пришлось выделить на работы целый вспомогательный батальон, но оно того стоило. И штурмовики учились не только стрелять или повторять одни и те же маневры, но еще и думать. А проходящие свое обучение офицеры набивали руку на подготовке и продумывании встречающих их укреплений.

Дело шло не очень быстро. Народ все равно раз за разом сбивался на хоть однажды сработавшие схемы и пытался повторять их с минимальными изменениями. Вот и сейчас, только взглянув на линию обороны, я сразу узнал работу капитана Сомова, из мелеховских, с которой уже две недели никто не мог справиться. А казалось бы: всего-то спящие пулеметные точки и подведенная на переднюю линию горная пушка, чтобы выбивать приданную штурмовикам технику.

Японцы как раз попались на незамеченную разведкой огневую точку. Пулемет: естественно, стрелял он холостыми, но по правилам такой огонь стоил отряду от десяти бойцов в минуту. В данном случае за счет внезапности – в два раза больше. И японский офицер не выдержал давления – все-таки грохот и эффекты сейчас были почти как в настоящем бою. Повел сразу всю роту вперед, чтобы вывести из-под обстрела в так и манящую низину на правом фланге, и тут же налетел на пристрелянные именно на этот квадрат еще несколько орудий.

Рота мгновенно потеряла четверть состава, и пусть кто-то еще оставался условно боееспособен, было очевидно, что защищающиеся снова побеждают. На соседней наблюдательной позиции тоже это поняли, и через мгновение до нас долетел радостный крик Сомова, радующегося удержавшемуся рекорду. Будет не очень хорошо, если он решит, что придумал абсолютную стратегию, но... Вмешиваться еще месяц я точно не собирался: пусть и японцы, и наши сами бросают вызов удачливому капитану, им полезно.

В этот момент внизу раздался шорох ног, и я увидел, как мимо спешат фельдшеры и носильщики из 2-го Сацумского. Выносят условных раненых. Тех, что оказались так быстро выведены из строя из-за глупой спешки.

– Такие молодые, – невольно вырвалось у меня, когда я разглядел их лица.

До этого как-то больше смотрел отчеты, изучал имена в списках, даже обращал краешком сознания внимание на даты рождения, но только сейчас, увидев вживую, я на самом деле осознал, кого именно уже скоро мы бросим в кровавую мясорубку на другом конце света. Ново-

бранцы, почти каждому меньше 20 лет – и я сразу вспомнил, как сам был на их месте. Как это бывает... Рядом лежит товарищ в крови, теряет сознание и зовет маму, а вместо мамы приходится быть тебе.

– Меня тоже сначала удивил их возраст, – согласился Огинский, – но все оказалось просто. Те, кто постарше, слишком тяжело переживали свои поражения. Неудачи ломают волю, а еще сложно сражаться рядом с теми, кого еще недавно пытался убить. Молодые же просто не успели ничего понять. Они все еще думают, что война проще работы в поле и на заводе. Даже в очередях стоят, чтобы только записаться в новые корпуса и попасть к нам на обучение.

– Значит, просто глупость и неопытность?

– А еще вера в нас, – тихо добавил Огинский. – Я, конечно, не общался с рядовыми, но почти все офицеры прошли через службу безопасности. И мы много говорили... Они все верят, что мы обязательно придумаем тактику, которая поможет им победить. Сражаться ведь гораздо проще, когда знаешь, что все не зря, что даже если умрешь, то не из-за глупости и разгильдяйства, а ради дела.

Я кивнул. Знакомое чувство. Когда я переписывался с генералом Иноуэ и князем Ито, то думал, что придется потратить немало времени, чтобы убедить тех принять нашу помощь в составлении стратегии. Но японцы даже для вида возражать не стали – действительно верят. И тем больше ответственность, которая ложится на наши плечи... Оставив полигон, я вернулся в машину, и еще через десять минут мы доехали до штаба, где уже собрались авторы каждого из двух основных планов.

Одна группа – это мои штабисты во главе со Лосьевым, вторая – полевые офицеры, и даже издали было видно, как машет и что-то говорит немного растерянный от навалившейся ответственности Буденный.

– Что хотели, то и получили. Чем удобряли, то и выросло... – долетел до меня конец его пламенной речи, и я невольно улыбнулся. Что ж, настрой у народа точно боевой, так что можно не терять время и сразу начинать.

Я занял свое место, и вперед тут же вышел Лосьев. Два помощника развернули за его спиной карту западного побережья САСШ, и штабист начал с самого начала, выделяя все наши возможные цели.

– Давайте первым делом рассмотрим каждую из целей, что может представлять для нас интерес, – он повел пальцем от границы с Мексикой к Канаде. – Итак, самый южный город на побережье – это Сан-Диего. Официально постоянных частей или фортов тут нет, оборона осуществляется силами национальной гвардии – это всего пара сотен человек. Однако буквально пару месяцев назад туда прибыла 28-я рота береговой артиллерии, это 192 солдата и 5 офицеров. Также даже без фортов в Сан-Диего имеется несколько береговых батарей. Четыре 10-дюймовые пушки стоят на Пойнт-Лома, а вот на Балласт-Пойнт и Норт Айленде уже только 3-х и 5-дюймовые...

– Откуда такие точные данные? – спросил я, когда Лосьев замолчал, восстанавливая дыхание.

– От наших мексиканских контактов, а еще много информации поступило от китайцев в Сан-Франциско, там у них целый свой Чайнатаун. Но про политическую обстановку лучше потом отдельно расскажет Алексей Алексеевич.

Я кивнул, соглашаясь. Действительно, нашей резидентурой и работой с местным населением занимался именно Огинский. Но были у меня и другие вопросы.

– Что насчет минирования бухты? И есть ли флот?

– Текущее состояние неизвестно, но... Есть документы по 1898 году, и тогда в бухте Сан-Диего стояло 15 мин, – Лосьев не удержался и обвел всех взглядом, видимо, предлагая вспомнить и сравнить с тем, что мы сами делали рядом с Инкоу. – Что же касается кораблей, то

Тихоокеанская эскадра Штатов туда почти не заглядывает, изредка заходит канонерка-другая, но на постоянной основе кораблей нет.

Штабист сделал паузу, проверяя, нет ли у кого вопросов, и перешел к следующему городу.

– Севернее, буквально в 200 километрах, находится Лос-Анджелес, – продолжил он. – Населения там будет в четыре раза больше, но вот укреплений со стороны моря тоже пока нет. Как нет и отдельных батарей. Для обороны города стоит полк Национальной гвардии, и считается, что в случае опасности сюда же быстро подойдет гарнизон из Сан-Франциско, самого крупного города западного побережья и морской базы, где заодно дежурят и основные корабли Тихоокеанской эскадры.

– В двух словах, чего нам стоит ждать на море? – уточнил я.

– Два броненосца, старые и медленные, поэтому их обычно держат на севере. Чтобы могли и верфи Сиэтла прикрыть в случае чего, и сами на ремонт встать. А тут, на месте, главная угроза – это шесть броненосных крейсеров.

– Как показал опыт наших сражений, линейный бой против полноценных броненосцев они не тянут, – добавил с места Кондратенко. – Во время сражения наших с японцами в Желтом море стоило бронепалубным «Аскольду», «Палладе», «Диане» или «Новику» попасть под огонь сразу нескольких вражеских кораблей, и им не оставалось ничего другого, как отворачивать. А тот же «Цесаревич» держался и вел эскадру несколько часов даже на 20 кабельтовых. И даже потом смог вырваться и своим ходом добраться до порта!

Я кивнул, соглашаясь. В том, что японцы, если вывести их на удар, смогут обеспечить нам преимущество на море хотя бы на первом этапе, я не сомневался. А вот что будет дальше, кто знает... До Великого Белого похода, когда Рузвельт отправит в кругосветное путешествие 16 новых линкоров, выкрашенных в белое и золотое, осталась всего пара лет. Уже скоро САСШ смогут стать неодолимой силой на море, но... Именно что через пару лет! А пока у нас было окно возможностей, и надо было им пользоваться.

– Шестьсот километров на север от Лос-Анджелеса, – продолжил Лосьев. – Именно такое расстояние до Сан-Франциско, который по населению стоит на четвертом месте во всех Штатах. Целых 400 тысяч, – тут он сделал паузу и обвел всех взглядом. – Почему я уделяю такое внимание количеству людей? Потому что в Америке нет централизованной системы мобилизации, и, скорее всего, нас будет ждать то же, что было во время войны с Испанией. Президент объявляет чрезвычайное положение, Конгресс его утверждает – начинается набор добровольцев и мобилизация Национальной гвардии. Первые новые дивизии развернутся где-то за 11 дней, за две недели они займут позиции, перекрывая ключевые объекты и дороги, а потом постараются окружить нас и сбросить в море.

– Давайте сперва разберемся с тем, что встретит нас в первый день, – я остановил штабиста и вернул к началу. Было видно, что Лосьев проникся опасностями, которые нас будут ждать, и это хорошо, но всему свое время.

– Оборона Сан-Франциско в отличие от более маленьких городов уже гораздо серьезнее, – штабист мгновенно взял себя в руки. – В 1885 году в Штатах был принят план Уильяма Эндикота, на основании которого они начали модернизацию старых кирпичных фортов. Основная цель была в том, чтобы заменить их на крепкие бетонные, вроде нашего Порт-Артура, с прячущимися орудиями, которые скрывались за специальными щитами после каждого выстрела. Основной калибр 10-12 дюймов, то есть то, что может навредить даже самым современным кораблям и встретит огнем любого врага еще за 10 километров. За последние двадцать лет американцы потратили на эту модернизацию почти сто миллионов долларов, и все эти деньги ушли на два города. Пьюджет-Саунд на севере и Сан-Франциско на юге.

По знаку Лосьева схему всего побережья поменяли на схему отдельного города.

– Итак, пролив Золотые Ворота прикрывает комплекс из четырех фортов, – продолжил он. – Форт Бейкер стоит на северном берегу, форт Пойнт на южном. Этот еще старый, кирпичный, но с учетом дальности новых орудий это не умаляет его опасности. А еще его страхует стоящий на острове форт Алякатрас и расположенный в тылу форт Мейсон. Все вместе они формируют многоугольник, где каждый угол расположен всего в 2-3 километрах от другого, позволяя накрывать врага сразу с нескольких сторон, если тот решит подойти на ближнюю дистанцию. Ну, а на дальней – такие укрепления быстро не подавить, а значит, любой флот, решивший атаковать город, просто не сможет не терять корабли.

И еще шесть крейсеров – напомнил я себе – действительно крепкий орешек. К счастью, штурмовать его с моря мы и не собирались! Хотя взять Алякатрас было бы символично.

– Что с артиллерией? – спросил я.

– 63 орудия в 15 батареях. В каждом форте до 400 солдат регулярной армии и в самом городе около 4 тысяч Национальной гвардии.

– Мины?

– Управляются кабелем с берега. Могут перекрыть фарватер в течение 15 минут в случае объявления тревоги. Также все форты оборудованы дуговыми прожекторами и могут осветить бухту даже ночью.

Все на мгновение замолчали, оценивая ситуацию. С одной стороны, гарнизоны смешные, с другой, техническая часть была на серьезном уровне. Достаточно, чтобы задержать и дать время, чтобы провести мобилизацию, но... В нашем случае она просто не успеет помешать первому удару. А дальше будет уже совсем другая история.

Лосьев тем временем рассказывал дальше, забираясь еще севернее. Портленд – этот стоял вдали от побережья и был интересен разве что тем, что перекрывал проход по реке Колумбия вглубь континента. Учитывая, что мы подобных маневров не планировали, не самое интересное направление, но как возможную базу для легкого москитного флота американских добровольцев его тоже нужно было учитывать.

И, наконец, граница Северо-Американских Штатов и Канады. Они разделялись сначала широким проливом Хуан-де-Фука, а потом относительно узким Адмиралти, где стояли пять современных фортов, прикрывающих Сиэтл и главные тихоокеанские верфи Америки – Пьюджет-Саунд. Около сотни орудий калибром до 12 дюймов, в каждом форте по 4 роты и, конечно, минные поля. Еще один крепкий орешек, к которому еще и по суше, чтобы подобраться, пришлось бы дать крюк через половину страны.

– Итого 2 тяжелые цели, 3 относительно легкие, – подводил итоги Лосьев. – Встречать нас будут регулярные силы в составе 4 тысяч человек и еще около 15 тысяч Национальной гвардии. У Штатов почти нет запаса солдат на этом направлении, однако армия противника будет постоянно расти. Во время войны с испанцами они собрали 60 тысяч за месяц, за четыре смогли вырасти до 200. Очень быстро, а благодаря трансконтинентальным железным дорогам поезда с востока на запад будут добираться всего за неделю.

– Что насчет возможности опереться на местное население? – я посмотрел на Огинского.

– Промышленные круги – наш враг, рабочие из портов и заводов, которых тут довольно много, могли бы стать союзниками, но японцы не хотят работать с пролетариатом. Да и это вызвало бы раньше времени противоречия с Порфирио Диасом, так что... Наш единственный возможный союзник на американском континенте – это консервативные круги крупных землевладельцев. Мы уже начали собирать информацию по всем, кого лишили собственности после Гражданской войны, и сможем предложить ее вернуть любому потомку с нужной фамилией. Земля нужна всем!

– И даже если там что-то ценное будет, отдадим? Даже ради одного человека? – не выдержал молчавший все это время Буденный.

– Заводы и шахты – японцам, все остальное – да, отдадим. Чужое не так жалко, а еще это будет прецедентом для каждого, кто станет сомневаться, а стоит ли иметь с нами дело. Японцев ведь слишком много в Америку не привезешь – нам нельзя будет без местных. А победу в битве за умы приносят не деньги и не умение их зарабатывать, а прежде всего групповая лояльность. Сословие, партия, да что угодно... Если мы предложим идею, если будем стоять за тех, кто ее выберет, то люди к нам потянутся.

Я внимательно слушал Огинского, который до этого еще ни разу ни говорил ничего подобного. Групповая лояльность – это ведь не только Америки касается, но и нас тоже. При чем не всегда в хорошем смысле. Так, иногда группа – это 2-я Сибирская армия, где мы все стоим друг за друга, а иногда это проворовавшиеся чиновники, которые никогда не сдадут товарища, потому что знают: следом придут уже за ними.

Я отвлекся всего на мгновение, а потом снова сосредоточился на карте и плане, который представлял Лосьев. Оценив опасность Северо-Американских Штатов, он и остальные штабисты выбрали максимально осторожную стратегию. Высадка в незащищенном Сан-Диего, максимальная близость к нашим мексиканским резервам, спокойное формирование сухопутных группировок, а потом совместный марш по суше и морю на север.

– Итого с учетом организации поставок собранных припасов первый корпус сможет выступить уже на четвертый день. На седьмой мы блокируем Лос-Анджелес и, главное, нефтяные месторождения в округе Керн. Дальше нам останется перекрыть железные дороги, идущие с востока, и на три месяца мы гарантируем себе относительное спокойствие.

– Почему три?

– Примерно столько потребуется Вашингтону, чтобы мобилизовать достаточно солдат. Достаточно, чтобы обеспечить себе численное превосходство, при котором они могли бы попытаться нас выбить. Тем не менее, они не смогут не спешить, у нас же будет преимущество в технике и выборе места для сражения. Если выиграть этот бой, то для следующего удара американцам понадобится еще столько же времени. И уже у нас появится возможность для проведения контратаки. Отдельный плюс, что при этой стратегии мы не будем зависеть от побед флота.

– Значит, минимум риска, а также хлеб и нефть Калифорнии, – кивнул я. – Вопросы?

Лично у меня они были. С одной стороны, осторожность и желание избежать потерь – это неплохо. Желание вывести будущее столкновение в плоскость маневренной войны, в которой мы пока лучше всех в мире – тоже разумно. С другой, ну не верю я, что в такой аванюре можно обойтись полумерами.

– Если не взять Сан-Франциско, то с базой своего флота под боком американцы смогут закидывать десанты нам в тыл по всему побережью, – первым поднялся Кондратенко. Понимаю, он с подобными опасениями прошел через всю осаду Порт-Артура и повторять явно не горел желанием. – Да и в целом, пока у них есть флот, любой наш город на побережье – это потенциальная куча дров для хорошего пожара.

– В этом и смысл ограничить свою территорию. Сан-Диего и Лос-Анджелес прикроют корабли Того, причем ему даже не нужно будет разделять свои силы. Ну, а в случае дикой высадки мы и без помощи с моря сможем перебросить войска в любую точку побережья в течение суток.

Кажется, я начинаю понимать фразу «чем осторожнее, тем больше риска». Лосьева продолжали заваливать вопросами, и у него были ответы. Про то, где, как и какие войска будут действовать. Каким образом мы организуем снабжение, удержание и развитие территорий. Он даже подобрал пару мест для возможного сражения с идущими с востока подкреплениями... Но все же это было игрой в осажденную крепость, где единственный шанс на долгосрочный успех – это если враг отступит сам.

Не скажу, что такой вероятности не было. Северо-Американские Штаты на самом деле не могут позволить себе тратить слишком много сил даже на такую обидную войну. А то перенапряжешь экономику, и уже Британия начнет активнее подминать под себя соседей. Решишь потерпеть, а потом неожиданно выяснится, что из недавнего белого лебедя ты за какие-то пару лет превратился в калеку, уже безнадежно отставшего от других великих держав.

Собственно, меня бы и такой результат устроил... Подумал и опять вспомнил тех молодых японцев, которые тренировались круглые сутки и верили, что мы поможем им победить. По настоящему.

– Что ж, теперь наша очередь, – вперед вышел Мелехов и опасно улыбнулся.

Павел Анастасович – главный по обороне во 2-й Сибирской, но сейчас ему помогали не кто-нибудь а наши главные броневые командиры: Славский, Буденный, Врангель. И эти точно на мирные инициативы размениваться не станут... И точно. Вот они закончили разворачивать карту, и я увидел уже знакомые контуры укрепления Сан-Франциско.

– Начнем с Золотых Ворот? – улыбнулся я.

Глава 3

Слушаю и готов удивляться.

– Мы считаем, – начал Мелехов, – что любая попытка удержать территорию на западном побережье Америки будет невозможна без исключения из уравнения их главной морской базы. Сан-Франциско слишком удобен, чтобы гнать подкрепления и ресурсы против нас, где бы мы ни попробовали закрепиться. И что тоже важно: как верно заметили наши штабисты, американцы будут подтягивать силы, будут учиться. Было бы наивно рассчитывать, что этого не случится. Поэтому сильнее всего мы будем именно в самом начале – и это преимущество нужно использовать по полной.

– Без тылов и плацдармов – и все равно сильнее? – подначил я Мелехова.

– Мы проводили отыгрыш высадки, – Павел Анастасович не смутился. – Со своим опытом мы бы сами на месте американцев смогли ее остановить. Слишком много целей – подтяни где вовремя резервы, и все наступление может встать. Но враг не ждет этого! Не учат сейчас тому, что прорыв на сто и двести километров – это норма.

– Что ж, тогда продолжаем. Какой у вас план?

– Удар в лоб – сразу отмечаем, – Мелехов вернулся к карте. – Пролив Золотые Ворота, его форты, его мины – даже если бы нам удалось полностью избавиться от американского флота, там не прорваться. Тем не менее, сила Сан-Франциско на море – это же и его слабость. Корабли всегда стоят на внутреннем рейде, и японцы легко смогут блокировать их, выигрывая нам возможность для десанта.

Новая карта. Вернее старая, но на которой дорисовали точки высадки – на севере и на юге от города. Две! Так сложнее, но... Мне уже начинает нравиться этот план. Чем больше неопределенности для врага, чем больше возможностей нащупать его слабое место – тем лучше.

– День ноль, – продолжал Мелехов. – Наша задача – захватить плацдармы и обеспечить возможность для высадки десанта и сухопутной атаки. Север – округ Сонома, юг – Санта-Круз...

Адъютанты Павла Анастасовича добавили карты еще двух районов. Длинные, широкие и довольно мелкие пляжи – интересно. С одной стороны, Мелехов выбрал обе точки почти в сотне километров от Сан-Франциско, с другой, оба этих берега выглядели прямо-таки идеально для того, чтобы быстро и относительно безопасно высадить передовые роты. Сначала пехота, потом, когда плацдармы будут прикрыты – техника. Для высадки последней предполагалось использовать специальные баржи.

– На севере дороги хуже, чем на юге, поэтому туда отправим только один корпус с минимумом техники, – Мелехов вернулся к карте со стрелочками. – Ключевые задачи на этом направлении – взять железнодорожный узел Санта-Роза, так мы охватим Сан-Франциско с севера, перекрывая приход подкреплений с этой стороны, а потом нанесем удар по острову Мар.

Я не заметил, как кивнул, соглашаясь с первой целью. Остров Мар, несмотря на свое название, это полуостров, который известен тем, что именно там располагались военные верфи Сан-Франциско. 155 метров – первый сухой док, который закончили еще в 1891 году, и второй на 230 метров – этот, правда, должен был еще только строиться, но нам и так хватит. Учитывая, что главный броненосец японского флота «Микаса» был около 130 метров в длину, при взятии острова Мар мы могли бы гарантировать возможность ремонта для любых наших кораблей. А то и не только ремонта.

– Одновременно с юга будут двигаться основные силы... – Мелехов сделал паузу. – Они возьмут Санта-Круз, где можно будет использовать для выгрузки уже причалы и краны, перехватят контроль над железной дорогой, однако... Даже так ничего сравнимого по важности с

взятыми верфями там не будет. Поэтому высока вероятность, что американцы примут северный удар за главный.

Новая схема. Теперь на ней были отмечены варианты постройки линии укреплений на севере города и несколько мощных ударов с юга.

– Дороги на юге узкие, но они есть. Броневики пройдут, поэтому мы начнем отправлять ударные роты, не дожидаясь полной высадки всего корпуса, и сможем уже на второй день установить артиллерию на холмах вокруг города, а на третий – войти в порт Сан-Франциско со стороны суши. Ключевые цели – Монтгомери-стрит с ее банками, военная база Пресидио и, наконец, еще одни верфи, Юнион Айрон Воркс. Эти в отличие от острова Мар, возможно, уже не получится взять быстро, и американцы обязательно постараются их уничтожить, но... Если удача все же окажется на нашей стороне, то мы заберем под свою руку стапели, с которых еще совсем недавно сходили крейсера серии «Олимпия» и броненосцы серии «Орегон».

И пусть никто из нас не увлекался флотом, самое главное было понятно и так. Операция, которую предлагала провести группа Мелехова, не просто давала экспедиционному корпусу плацдарм для будущих операций, но еще и, даже вне зависимости от результата, значительно ослабляла потенциал ответного удара. Сразу несколько целей за один раз – то, что я люблю.

– После захвата Сан-Франциско форты-крепости на входе в Золотые Ворота лучше всего блокировать и без лишних потерь взять измором. Или же ночной десант: без поддержки с суши даже в самых серьезных укреплениях 400 человек не смогут долго держаться. Главное, флот получит базу, армия получит место, где будет прикрыта и с суши, и с моря. Останется закрепить успех. Южная группировка, как только убедится, что прорвала оборону в городе, выделит два полка для взятия Лос-Анджелеса и Сан-Диего, чтобы обеспечить подвоз наших мексиканских запасов. Северная же еще на второй день, как только выставит заслон на острове Мар, сразу же отправит основные силы на восток. Еще одна ключевая задача первого этапа – взятие Сакраменто. Столица штата Калифорния – это еще и железнодорожный узел, мимо которого не пройти...

Я снова кивнул. Действительно, если действовать быстро, то можно обеспечить перехват первых подкреплений с востока. Без возможности заполучить хоть один узел обороны, куда можно было бы подвозить войска, американцам пришлось бы спешно формировать промежуточный лагерь где-то еще восточнее. И вот тогда-то мы и получим те самые спокойные месяцы, что нам так нужны, чтобы закрепиться на новых землях.

– Границы территории, которую вы предлагаете брать? – я увидел, что Мелехов замолчал, и первым начал время вопросов.

– Минимальные: треугольник Сан-Франциско – Сакраменто – Сан-Диего. В идеале от Сакраменто пройти на восток еще двести километров и взять Рино, тогда наши враги смогли бы собирать свои силы только за горами Невады, где-то в Солт-Лейк-Сити. Идти на север по суше – нет смысла. Но если японцы уничтожат американский флот, то можно будет прогуляться по морю, добывая любые плавающие посудины, что попадутся на пути. Морская доктрина САСШ предполагает мобилизацию гражданских судов, так что это сможет сильно облегчить нам жизнь в будущем.

– Верфи Пьюджет-Саунд? – вступил в разговор Лосьев. – Если вы хотите полностью лишить врага инициативы, то надо уничтожать и их. Иначе будет ли смысл в риске, когда все опасности от действий врага на море все равно сохранятся?

– Все же они не сохранятся, а будут меньше, – Мелехов словно продолжил старый спор. Впрочем, а стоит ли удивляться, что они уже сталкивались до официального выступления? – Тем более операцию с Сиэтлом можно будет провести позже. Однако... будем честны, атаковать сразу два таких крупных города нам не под силу. А атаковать последовательно – тоже не выйдет, потому что нужно будет готовиться к подходу американских кораблей из Атлантики. А они придут! Как наши адмиралы пригоняли целые эскадры, чтобы обогнать японский флот по

количеству вымпелов, так и американцы не откажутся от моря. И тогда... Мы не успеем начать операцию раньше осени, а осень-зима в южном полушарии – это, считай, местное лето. Проход Ньюпорт – мыс Горн – Сан-Франциско сократится с 75 до 65 дней. Плюс неделя, максимум две, чтобы подготовиться к переходу. Эту угрозу нельзя не учитывать.

– А баржи для высадки? – Лосьев заметил в плане новое слабое место. – Они не смогут идти так быстро, как основной флот. Держать их на кораблях – занимать место. Собирать в Америке или даже Мексике – привлечем внимание.

– Будет надо, выделим место и на кораблях, – рубанул Мелехов. – Пара лишних транспортных роли не сыграет.

– Можно будет просто отправить их раньше, – мне самому пришла в голову идея, как можно решить эту проблему. – Если мы все равно поведем флот в обход основных морских путей по пеленгу, то можно не бояться потеряться. Медленные корабли выйдут раньше, основной флот – позже.

– Это интересно, – не удержался Кондратенко. – Тогда основные силы смогут пойти чуть быстрее, чем от них ждут. Даже часть пути под 14 узлов, и мы появимся у берегов Америки еще до того, как хоть кто-то начнет беспокоиться, а куда вся эта армада подевалась.

– Но пока оставим флот, – я напомнил, что для нас важнее. – Давайте сосредоточимся на суше...

В итоге совещание продолжалось еще четыре часа. Никаких перерывов: все подробно и во всех деталях разбирали каждый из этапов плана, искали слабые места, между делом обсуждали офицеров, которым могли бы доверить ту или иную задачу.

– Все упирается в карты, – Лосьев продолжал спорить.

– Мы уже работаем над ними, – ответил Огинский. – При высадке нас будут ждать люди с готовыми комплектами для каждого офицера.

Лосьев на мгновение поджал губы. Было видно, что ему хочется и дальше поспорить с такой организацией дела, но... Вариантов и вправду было не так много. Все, что можно было найти в продаже, люди Огинского уже купили и отправили нам. А вот то, что они зарисуют на местах с учетом времени на работу и дорогу – если пересылать в Россию, то мы бы получили их не раньше следующего года. Поэтому с точки зрения сроков передача на месте была вполне работоспособным вариантом.

– Черт побери, я готов признать, что в теории этот план выглядит ярче нашего! – Лосьев в итоге даже завелся. – Он дает больше, риски выглядят не такими страшными, но... В то же время он очень сильно зависит от качества армии. Справятся ли японцы с такой операцией? Не хотите ли вы их заставить прыгнуть выше головы? Не забывайте, цена ошибки в такой сложной операции будет огромной. А некоторые просчеты и неудачи и вовсе нельзя будет исправить!

– Наши добровольцы, солдаты и офицеры, на ключевых направлениях помогут выдерживать темп, – Мелехов ответил так же быстро, как и раньше, но стало очевидно, что он согласен с Лосьевым насчет недостатка опыта и практики у японцев.

Да и я был согласен. Также не хотелось, чтобы русские солдаты умирали за чужие интересы, вот только это была неправда. Не про то, что не хотелось, а про то, что интересы чужие. Ослабление потенциального противника, даже двух – это было нужно России! И опять же это будет опыт. Наш опыт! Как многие офицеры и медики в свое время набивали руку, помогая бурам в войне с англичанами, как мы все сделали скачок во время войны с Японией, так и сейчас... Новая техника, новые стратегии – несмотря на знания из будущего, нужно было подбивать их под опыт на земле.

И, как показало вот это самое совещание, я уже отстаю. Мои офицеры, которые когда-то просто повторяли за мной, теперь показывали уровень, до которого мне еще расти. Тот же план Мелехова: сколько за этой в итоге простой идеей стоит расчетов и проработки? Или план

Лосьева – я-то сначала посчитал его просто осторожным, а на самом деле Арсений и штабисты просто делали скидку на уровень исполнителей.

– И кто победил? – когда споры начали затихать, Буденный первым повернулся ко мне.

Все верно: итоговое решение было за мной. После недавних мыслей на мгновение захотелось малодушно провести голосование, вот только... Я и так уже слышал, кто какой идеи придерживается. Офицеры сказали свое слово – это их дело, мне же нужно было взвалить на свои плечи ответственность – а это мое. Вроде бы мелочь, но... Я невольно подумал, а как непросто было Сталину, выбирая между планами Жукова и Ватутина в 43-м. Тогда он остановился на более осторожном варианте, а я?

Чутье продолжало говорить, что осторожность хороша. Но не сейчас!

– Берем в работу план Павла Анастасовича, – я принял решение и крепко пожал руку Мелехову. Потом рукопожатие досталось Лосьеву. – Только заложите резервы по людям и по времени с учетом опасений нашего штаба. И начинайте привлекать японцев и флот: им пора уже знать сроки и основные задачи, которые придется выполнить любой ценой.

После завершения совещания все начали быстро расходиться по своим делам. Большинство держались вместе, но некоторые отбивались парами или тройками, чтобы продолжить разговор наедине.

– Антон Иванович, что думаете об аванюре нашего генерала? – Корнилов добавил в голос ехидных ноток. – Вы не успели проявить себя в Маньчжурии и Корее, так, может, рванете на другой конец света?

Пока шла война, Лавр Георгиевич не сомневался в приказах и просто делал свое дело. Хорошо делал, но вот наступил условный мир, и вся работа разведки стала перетекать в руки Огинского. Внутренние операции, внешние... Сам Корнилов сначала нашел себя в наборе новичков, обучении, пару раз его привлекал к своим операциям Хорунженков, да и на китайской границе было неспокойно. Но все это было не то! Армия, которая несколько месяцев была его семьей, снова стала просто армией, и не все, что происходило вокруг него, нравилось Корнилову.

– Не думаю, что это нужно мне, – Деникин, как и всегда, ответил на вопрос очень неспешно. – И не думаю, что это нужно России.

– Ну что же вы, – Корнилов дурачился. – Говорят, в Америке до сих пор верят в силу кавалерии, и вы бы смогли показать им, что такое настоящая казачья атака.

– В любом случае Макаров сказал, что непустит туда никого старше капитана, – Деникин был все так же серьезен. – Да и сам тоже не сможет отправиться. Если кто-то его уровня лично покажется среди японцев, то это, считай, объявление войны будет.

– Думаете, поэтому наши так полны энтузиазма? Потому что не им самим придется все это реализовывать?

– Уверен, что с одними капитанами целый корпус точно не отпустят. Проведут как-то по-хитрому, но хотя бы нормальный штаб и сильных офицеров для каждого полка все равно найдут. Кстати, а вы не думали, что Огинский сидел все это время в поручиках как раз для такого случая?

Корнилов от такого предположения чуть с шага не сбился. Если это правда, то становилась понятна та уверенность, с которой его соперник говорил о том, что обеспечит войска картами и информацией. Либо сделает, либо умрет – хорошо устроился.

– Меня, если честно, больше смущают не военные дела и даже не их последствия, – продолжил Деникин. – В первом Макаров хорош, и я бы десять раз подумал сомневаться, если бы он сказал, что невозможное на самом деле можно претворить в жизнь. Во втором – ему есть кому посоветовать. Но вот то, что он творит в городе... Развитие заводов – понятно. Сделать

парки или музеи на открытом воздухе из военной техники – это даже интересно. Но он вкладывает деньги в странные вещи.

– Вы про училища, которые он открывает по две штуки в месяц? Недавно появилось кулинарное, так там людей учат несколько армейских поваров. Уже полсотни человек набрали, там курс на полгода для взрослых и на два для подростков – и куда нам столько поваров?

– Учитывая, что на всех центральных улицах в каждом доме по два кафе – этим-то точно найдется работа. Да и затраты небольшие, но Макаров же и другие проекты затевает. Видели котлован за старой железнодорожной платформой? Там планируют станцию водочистки. Своя электростанция, куча насосов, всякие фильтры, а потом километры труб по всему городу – и для чего? Чтобы даже в бедных районах у людей была чистая вода. Или еще один проект. Трамваи, как у «Сименс и Хальске» в Берлине. Я понимаю, когда это повторили в Санкт-Петербурге, но тут-то ради кого стараться? – Деникин с каждым словом как будто все больше и больше распалялся.

Корнилов даже удивился: ему-то казалось, что это только у него нервы начали идти вразнос. А тут, оказывается, у Антона Ивановича тоже есть какая-то обида. Профессиональное чутье сразу взвыло.

– Вроде и понимаю вас, – спокойно ответил Корнилов. – Но и вы сами знаете ответы на свои вопросы. Будет чистая вода, люди не будут болеть. Учитывая, сколько их собралось в Инкоу и сколько продолжает прибывать – вопрос это очень важный. Макаров в медицине понимает, так что пускать подобные дела на самотек точно не хочет. Ну и трамваи – тут и того понятнее. Много заводов, много рабочих – не будет транспорта, и как они все до работы добираться будут? А так за счет выигранного времени как бы все эти линии еще в этом году не успели окупиться.

Корнилов замолчал, ожидая, что же теперь скажет Деникин. Тот тоже ничего не говорил, они почти дошли до перекрестка, где обычно расходились, но тут Антон Иванович все же не выдержал.

– Неправильно все это, – начал он. – То, что Макаров тратит свои средства на простых людей – это нормально, многие так делают, и польза действительно от этого есть. Однако все остальные при этом не забывают, откуда они вышли. Думают о народе, но и о тех, с кем росли да учились, не забывают. А Макаров – иногда кажется, будто чужой. Мы для него чужие! И нет разницы ему, для кого стараться – ради меня, вас или какого-то Ваньки-рядового. Понимаете?

Корнилов кивнул и задумался. А ведь действительно: было что-то подобное в поведении генерала. На войне не бросалось в глаза, а сейчас... Кстати, он же вчера случайно пересекся в госпитале с княжной Гагариной, и та тоже что-то подобное упоминала. Не прямо, но – Корнилов неожиданно осознал – у нее ведь тоже стало меньше дел, больше времени смотреть по сторонам. Смотреть, думать, сравнивать.

А не нужна ли эта новая война Макарову как раз для того, чтобы люди не стали себе головы всеми этими странностями забивать? Может, не будь их, и со всеми бы уже давно замирились и договорились?

Михаила Гордеевича Дроздовского и его роту уже как месяц прикрепили к китайским силам самообороны. Официально это хунхузы распоясались. Неофициально – действительно хунхузы, только при поддержке экспериментальных британских броневигов, нападали исключительно на поддерживающие торговлю с Россией и ее союзниками деревни. И что самое обидное – один раз они встали на след и почти догнали убийц, но те ушли из района Чэндэ в Чжанцзякоу, и приданные отряду китайские чиновники сразу их остановили. Потому что договор на патрулирование касался только трех восточных районов провинции Хэбэй.

И как в такой обстановке работать? Когда враг всегда может отступить, когда он выбирает место и время боя? Генерал сказал, что уже в следующем году они засеют с запасом свои земли,

и тогда можно будет не беспокоиться о реакции Китая... Но пока Маньчжурия и союзники зависели от еды из Чжунго, приходилось играть по их правилам, и хорошо, что хотя бы пока враг тоже действовал осторожно и не пытался заманить их в ловушку.

– Михаил Гордеевич! – в палатку Дроздовского ворвался Тюрин. – Новое нападение! Деревня Шичэн, всего в тридцати километрах от нас!

Дроздовский, даже не одевшись, подскочил к карте. Действительно, очень близко, а еще – туда вели сразу две дороги! Может, получится сыграть на опережение.

Глава 4

Дуглас Хейг продолжал обкатывать новую технику, с каждым днем все больше проникаясь тем, что на самом деле у каждой нации свое предназначение. Итальянцы строят красивые дома, немцы жарят самую невкусную капусту в мире, китайцы служат, а англичане – правят. Это же так разумно: кто-то ведь должен делать эту работу, а они определенно делали ее лучше всех.

– Староста предупреждает, что русский отряд выдвинулся в нашу сторону, – подбежал с докладом Артур Кэри Эванс.

Заместитель Хейга был еще совсем молодым, но после того, как подстрелили Хэнкока, они с Фуллером остались самыми опытными офицерами в отряде.

– Кто? Кавалерия, пехота, броневики? – учитывая, как быстро русские научились перебрасывать войска, им на самом деле мог встретиться кто угодно. Первые два – будет проще, третье – сложнее, но интереснее.

– Броневики! – выпалил Эванс. – Вернее, и они тоже. К нам идет 12-я механизированная рота капитана Дроздовского. Того самого.

Губы Хейга злобно сжались. Он действительно потратил время, чтобы узнать имя того человека, кто заставил его убежать в прошлый раз. Того, из-за кого погибли Митфорд и Хэнкок. Михаил Гордеевич Дроздовский и его ведомый – он ждал встречи с ними.

– На позиции! И вызывайте Фуллера, чтобы ударил им в спину! Нужно успеть, пока нас не начали глушить!

Хейг прекрасно запомнил, как русским помогла связь между машинами в прошлый раз. Увы, британские ученые еще пока не разобрались с тем, как работают их приемники – придется немного подождать – так что англичанину приходилось обходиться тем, что было. Но даже так он старался использовать радио на полную. До боя этого хватало, а потом... Если первый удар окажется для врага последним, то все их возможные переговоры и вовсе не будет иметь значения.

– Едут! – наблюдатель из машины Хейга спрыгнул со своей позиции и поспешил задрать за собой люк, теперь они будут следить за врагом только через перископ.

– Ждем! – Хейг хотел, чтобы как можно больше русских машин выбрались на открытое пространство.

И вот тогда-то он и откроет огонь. А следом за ним и все остальные, и на этот раз никто от них не уйдет. Вот только почему впереди мельтешат одни десантные броневики? Ни одного с пушками. А специальные удлиненные машины тем временем разлетелись во все стороны как тараканы, высаживая стрелковые группы сразу в пяти разных точках.

– Огонь! – Хейг понял, что про них тоже знали, и дальше терпеть не было смысла.

Наоборот – затянут, и русские развернутся совсем без потерь. А так хотя бы пару броневиков они должны достать! Выстрел! Еще! Один из десантных бортов задымил. Хейг махнул водителю, чтобы тот выводил их на возвышенность – продолжить преследование. Еще выстрел. На этот раз русский броневи́к вспыхнул, и из него в последний момент успела выскочить одинокая фигура. Остальные, похоже, не выжили. А этот – оказался хитрым! Завернулся в какую-то шерстяную накидку, скинул ее вместе с пламенем и тут же скрылся в высокой зеленой траве.

Ничего, один выживший из целой машины – это немного. Хейг старался не думать, что десант русские уже высадили, а экипаж у тех мог быть и меньше, чем у них самих. Возможно, 8 человек на броневи́к – это лучше, чем 12, которых им приписали изначально, но все равно много.

– Продолжаем огонь!

Через минуту они подбили еще один броневик, а потом почти сразу еще два. Охота оказалась удачной, и экипаж Эванса даже увлекся. Вытянулся вперед за отходящими русскими машинами, и в этот момент их тоже обстреляли. Та самая пехота, которую в самом начале высадили подбитые броневики, накрыла их минами, а потом раздался басовитый голос небольшой пушки. Похоже, русские вытащили все нужное на своих спинах и довольно быстро собрали.

– Продолжаем! – настроение Хейга, впрочем, все равно было на высоте.

Они уже сражались с регулярными частями 2-й Сибирской, и их орудия ничего не могли сделать с современной английской броней. Эванс тоже это знал, поэтому уверенно двинул машину вперед – и тут же замер после первого же попадания. Хейгу показалось, что он даже услышал страшный металлический крик. Машина Эванса дернулась назад, неуклюже завернула в сторону, и в этот момент англичанин увидел дыру в боковой броне.

Русские собрали не одну, а две пушки! И первая, сама не пробив лобовую броню, тем не менее выманила броневики под удар второй! Быстро они. Не прошло и пары месяцев, а русская артиллерия из беззубой старухи снова превратилась в опасного хищника. Вот же помешанные на сражениях вояки! Операция, которая должна была вернуть Хейгу веру в себя, вместо этого снова заставляла его страдать. К счастью, еще пока не случилось ничего непоправимого. Приказав выпустить желтую ракету «следуй за мной», Дуглас повел свой броневик по широкой дуге.

Подбитый Эванс пристроился в конце колонны, понемногу отставая, но все остальные держали темп. Ничего, буквально пять минут, и они зайдут русским во фланг. Выйдут из-за сопки, да в пулеметы – на такой дистанции никому не устоять. А там и отделение Фуллера подтянется, завершая разгром! До цели оставалось всего ничего, когда в воздухе громыкнуло. Сначала Хейг не понял, откуда, но потом... На сопку, которой они прикрывались от русской пехоты, выбрались русские же броневики. Те самые, которые они не нашли в самом начале и которые, похоже, дали круг и пришли по другой дороге.

– Китайцы ответят за то, что не предупредили! – Хейг сразу нашел виноватых, а потом задумался.

Что дальше? Расстояние между ними сейчас около километра, разница в высоте не такая критичная, чтобы обращать на нее внимание – разве что русские будут первое время прятаться за гребнем, но... Если их пушки, как и раньше, не смогут ничего им сделать, то и не страшно. Прорвемся и уничтожим!

Не успел Хейг додумать эту мысль, как головной русский броневик с птицей из имперских лент снова дал залп. Мимо! Русские били плотно, но машины на ходу – не самая удобная мишень. В голове Хейга родилась новая идея, и тут выстрелил тот самый ведомый, что в прошлый раз умудрился подбить Хэнкока. И снова – словно какая-то нечистая сила навела его руку. Один-единственный снаряд ударил точно в стык башни и корпуса идущей позади всех машины Эванса.

Взрыв. Какой-то ученик-неудачник подбил уже второго лейтенанта-коммандера в отряде Хейга.

– Уходим! – Дуглас побледнел, но нужно было доводить дело до конца.

Под светом улетающей красной ракеты они развернулись и, прикрывшись дымом от потертанного броневика и сгорающих заживо товарищей, ушли назад. Этот бой пошел совсем не так, как хотелось бы Хейгу, но ничего... В следующий раз он будет готов лучше. В следующий раз он обязательно отомстит!

Михаил Гордеевич Дроздовский готовил доклад о последнем сражении. Идея заманить англичан в ловушку, пожертвовав транспортами, сработала. Оставшиеся на своих местах до последнего водители даже успели выскочить и не пострадали. Спасибо шерстяным одеялам из специального комплекта, которые обугливались, но не горели... А главное, спасибо новым

снарядам с укрепленными стенками, которые показали себя очень хорошо – даже из 47-миллиметровых пушек легко пробивали новую английскую броню.

– И чего нам сразу такие не дали? – рядом сидел Тюрин, которого Дроздовский уже давно натаскивал как своего будущего помощника.

– А ты смотрел, что они делают со старыми броневидами? Вроде тех, на которых с нами японцы сражались?

– Наверно, в решето превращают.

– Для решета нужно, чтобы снаряд успел взорваться. А эти по тонкой броне, как ни играй взрывателями, почти всегда успевают пролететь насквозь. Возможно, если доработать запалы – я в этом не очень разбираюсь – что-то в итоге и получится, но пока... Для одних врагов один тип снарядов, для других – другой. Я слышал, что у нас на флоте была похожая проблема. Много бронебойных, тугие взрыватели – и в итоге снаряды, даже попадая, часто пролетали сквозь японские корабли. И что самое обидное: в бою такое еще и не всегда заметишь, и часто можно решить, что это не снаряд такое учудил, а у тебя прицел сбился. Вносишь корректировки, все уже точно летит мимо, а враг продолжает безнаказанно тебя обстреливать. В общем, больше и сильнее – не всегда лучше. И кому как не тебе это понимать.

Тюрин сразу вспомнил оба своих золотых выстрела и гордо улыбнулся. У него это нечасто получалось, но иногда он словно ловил поток. Даже в прицел не нужно было смотреть: просто соединить цель и ствол пушки невидимой нитью, а потом отпустить по ней снаряд. Мистика, как он думал, но потом исповедался батюшке, и тот все объяснил. Никакой чертовщины, наоборот, просто иногда руку настоящего мастера ведет сам Бог.

– Одно обидно, ушли все-таки лайми, – сказал Тюрин вслух. – Кстати, а почему их так называют? Я сначала думал, что это из-за цвета мундиров, но они у них либо красные, либо как у нас – тактические.

– Не ты один так думал, – хмыкнул Дроздовский, на мгновение отрываясь от бумаг. – На самом деле лайми их стали называть за сок лаймов, которые они давали своим морякам от цинги. Все-таки британцы – морская нация, вот и прижилось.

– А мы? – задумался Тюрин. – Как наши моряки защищались от цинги? А то я был на общей лекции по медицине, и это очень неприятная штука.

– А у нас проще. В долгие плавания часто брали квашеные продукты, чтобы не портились. Та же капуста, на севере всякие хвойные отвары – а потом оказалось, что они не просто удобны для хранения, но еще и от этой заразы помогают.

– Интересно, – глаза Тюрина вспыхнули.

Он на самом деле очень любил учиться, и это в том числе привлекало Дроздовского в недавнем фельдфебеле. Впрочем, пока ему еще часто не хватало усидчивости, да и спокойствия бы тоже побольше. Вот и сейчас мысли поручика недолго оставались в плену науки и снова вернулись к бою. Он ничего не сказал, но по сжатым кулакам и так было понятно, о чем тот думает.

– Ничего, мы еще их достанем, – пообещал товарищу Дроздовский.

Мысленно он отдавал должное вражескому командиру, которому хватило трезвого расчета, чтобы отступить. Еще немного, и они бы взяли англичан в клещи. А так они даже свою потерю использовали для дела: прикрылись чадящей тушей и разорвали дистанцию.

– Кстати, а вы слышали последние новости? – неожиданно мысли Тюрина скакнули куда-то еще. – Про новую кампанию.

– Что за новая кампания? – Дроздовский ничего не знал, но это и неудивительно.

Во 2-й Сибирской довольно хорошо была поставлена работа с секретами, но вот солдатские сплетни не смогла остановить даже служба Огинского. Впрочем, на этот раз деталей не было даже у Тюрина. Просто слухи о том, что будет новое дело, что не здесь, а где-то на территории врага, и... Генерал выбирает, а кого же туда отправить.

– Кого же? – спросил сам у себя Дроздовский, прокручивая в памяти всех героев недавней войны.

Казуэ встретила Макарова глубоким поклоном «бай». Руки на бедрах, наклон, словно по линейке, на девяносто градусов. Князь Ито тут же бросил на нее недовольный взгляд. Со стороны могло бы показаться, что это из-за его нелюбви к старым традициям. Мол, она бы еще тройной «сан-бай» сделала. Но на самом деле, Такамори знала, Ито раздражен из-за того, что стоит за таким поклоном. Он ведь подходит не только для учителей или храмов, но и, самое главное, для семьи.

– Мой лорд, – к поклону добавились уже привычные два слова.

Они появились как шутка, как ответ на принцессу, но... Чем чаще Казуэ их говорила, тем больше и сама начинала верить в то, что за ними стояло. Нет, что могло за ними стоять.

– Я же просил, – Макаров так же привычно закатил глаза. Можно было бы и пойти ему навстречу, но нет, пусть тоже думает. Это никому не вредно.

Тем временем представились и все остальные. Иноуэ, штабист Макарова с лошадиной фамилией, разведчик из старшего дворянского рода и с погонами младшего сына, а еще неожиданный гость – гражданский губернатор Маньчжурии, Столыпин. Что ж, сегодня они обсуждают только политику, так что почему бы и нет. Тем более было очевидно, что рано или поздно Макарову придется привлекать к делу кого-то из своих и открываться им.

Интересно, а Столыпин уже что-то знает?

Макаров принялся рассказывать причины, побудившие Сацуму решиться на американскую авантюру с самого начала – значит, нет.

Новенький губернатор сразу напрягся, потом, очевидно, обратил внимание, что ему не сообщают никаких военных подробностей, только общие детали, и сделал соответствующие выводы. Макаров боится, чтобы при любом раскладе Россия не пострадала, и его гражданский коллега это оценил. Но явно не до конца.

– Если бы вы рассказали это Вячеславу Константиновичу, – Столыпин вспомнил Плеве, – то он бы от вас и мокрого места не оставил. Однако я не такой консерватор, как наш министр внутренних дел, я понимаю, что России нужны реформы, а эта вылазка... Она может дать для этого время и ресурсы.

Казуэ про себя заметила, что проговаривать вслух подобные вещи при тех, кому и придется проливать кровь – довольно цинично. С другой стороны, лучше так, зато искренне. Гораздо лучше, чем улыбаться в лицо, а за спиной вести собственную игру.

– Я очень ценю то, сколько денег вы, – он посмотрел в глаза Макарову, – вкладываете в эту землю. Заводы, дороги и, главное, люди – такими темпами Маньчжурия всего за пару лет сможет стать настоящей жемчужиной Российской империи, подобно тому, как Индия стала жемчужиной Британии.

– Хотелось бы, чтобы это был не кровавый жемчуг, – впервые с начала речи Столыпина Макаров ему возразил.

– Крови тут пролилось уже достаточно, – впрочем, губернатор ни капли не смутился. – Не вижу смысла ее бояться. На все нужно смотреть объективно, в том числе и на эту сделку. Прагматичный союз с Японией, доступ на закрытые нам рынки, время, ослабление будущих соперников – причин согласиться более чем достаточно. Также я понимаю, почему мы не будем поднимать этот договор выше.

– И почему же? – не удержалась Казуэ.

– Нам нужно восстановиться после прошлой войны, и мы можем себе это позволить, – Столыпин опять не стал ничего скрывать. А он оказался довольно интересным человеком. – Также важно учитывать морально-политические последствия.

– Политические понятно, – задумалась Казуэ. – А при чем тут мораль?

– Нас осудят за агрессию, – пожал плечами Столыпин. – Но что важнее: не все внутри страны также примут агрессию и помощь недавнему врагу. Если бы наша победа была не столь убедительна, я бы точно ни за что не пошел на подобный риск, но сейчас... Мы чувствуем себя сильными, мы готовы делиться своей силой – это ощущение может даже не навредить, а, наоборот, стать тем стержнем, что поможет стране перестроиться.

На этой волне Макаров со Столыпиным и заключили финальные договоренности. Никакого финансового следа, помощь только со стороны добровольцев и очень активное развитие региона. В ответ губернатор не мешает русско-сацумским проектам и даже поддерживает их, благо деньги и ресурсы, которые текут в Маньчжурию, помогают на очень многое закрыть глаза.

Прагматичный союз, как назвал его Столыпин, был заключен, и тот хотел уже было уйти, когда Макаров широко улыбнулся. В этот момент он напоминал демона-тэнгу, которому дашь палец, а он, воспользовавшись моментом, сразу откусит руку по самую голову.

– Петр Аркадьевич, я попрошу вас остаться, – Макаров просил, но отказать ему было просто невозможно. Настоящий лорд. – Сегодня мы в том числе хотели обсудить вопрос, как и каких союзников мы могли бы привлечь на американском континенте. И ваш опыт и трезвый взгляд нам бы оченьгодились.

Петр Аркадьевич Столыпин боролся с бушующей внутри него бурей. Когда его позвали что-то обсудить с высокой японской делегацией, он рассчитывал исключительно на экономические вопросы. Но Макаров почти сразу огорошил его планами десанта – и не куда-то там, в дикий Китай или какие-то слабые азиатские страны, а в Америку. Страну, которая успешно, хотя и совершенно незаслуженно, завоевала образ «нейтральных» дельцов, готовых снабжать кого угодно деньгами и оружием.

Следующая мысль была – безумие! Столыпин помнил разговоры в самых модных и образованных салонах: Америка – это будущее, это квинтэссенция современного индустриального мира, которая может раздавить любого врага. А даже если и нет, то до нее самой за океаном практически невозможно будет добраться. Идеальная позиция, огромная мощь. И кто бросает им вызов? Японцы? Это политические карлики, которые без шансов проиграли не самым сильным частям довольно устаревшей русской армии...

И только Столыпин дошел до столь привычных еще недавно максим, все еще модных в столице и Саратове, как вместе с тем вспомнил и то, как они разбились о реальность буквально в первые недели после приезда в Маньчжурию. Реальность, где даже свои солдаты признавали силу и храбрость японцев. Реальность, где русская армия оказалась наполнена самым современным оружием, техникой и, главное, разумными офицерами... И тогда, если предположить, что эта авантюра возможна – а иначе ведь Макаров не стал бы ее предлагать – какие это несет риски?

Глобальная война? Нет. Наоборот, отвлечение России, ослабление Штатов приведут к тому, что многим горячим головам придется успокоиться. А то ведь мобилизация, которую Николай был вынужден объявить под недавнюю войну, довольно сильно накалила обстановку. У великих держав ведь как – кто первым соберет армию, кто первым сможет нанести удар, за тем будет и инициатива. А Россия сейчас держала больше всех войск в строю, невольно заставляя каждого европейского правителя думать о том, а не рискнет ли царь за счет этого решить какие-то свои проблемы.

Дальше – вопрос мести. Военной, экономической... В принципе, армия на Филиппинах и Гавайях, которая формально останется у японцев в тылу, не так сильна. Маньчжурии она тоже угрожать не сможет. Вмешательство других стран? Как ни странно, но эта заварушка будет им всем на руку, так что серьезного противодействия можно не ожидать. Почти как было с нападением Японии на Россию – вроде все и поддерживают такого же белого соседа, но и победам желтолицых тоже было кому порадоваться.

Оставались личные риски. Петр Аркадьевич прекрасно понимал, что тот же Плеве не простит его за подобное умолчание. Николай? Царя, к счастью, будет интересовать только результат. Как и самого Столыпина. Если за счет этой авантюры он сможет провести в Маньчжурии задуманные реформы, то плевать! Новых покровителей он найдет, в случае победы их будет даже больше, чем нужно. В случае поражения – что ж, придется вернуться в имение, зато можно будет чаще видеться с семьей.

Но Макарову придется тратить больше! Теперь, когда он втравил Столыпина в свои дела, у него не будет возможности сказать нет. Последняя мысль особенно понравилась Петру Аркадьевичу, и он уже начал прикидывать, когда и как выскажет все это чрезвычайно активному генералу, когда его остановили... Помочь найти союзников для японцев? В Америке?

Похоже, и его хотят заставить работать больше, чем раньше. Впрочем, ради дела – почему бы и не поскрипеть мозгами!

Глава 5

Петр Аркадьевич внимательно выслушал японского князя. Старик Ито детально и логично разложил по полочкам будущую стратегию – опереться на крупных землевладельцев бывшей Конфедерации. Обиженные, задвинутые на второй план банкирами и промышленниками – они вполне могли бы стать проводниками новой силы, если бы не пара «но»...

– К сожалению, ваш план не сработает, – Столыпин дождался завершения речи князя Ито и потом коротко подвел черту. Японец был хорош, но ему все же не хватало понимания жизни в великих державах.

– Но почему? – нахмурилась Такамори. – Мы изучали современные законы, реальное положение дел. Промышленность САСШ растет, но вместе с ней растут и социальные противоречия.

– Со стороны может показаться, что президент Рузвельт ничего не делает, но это не так, – покачал головой Столыпин. – Сейчас у него и Республиканской партии огромная власть. Собственно, сам президент, Сенат – 57 мест из 92, Палата представителей – 250 из 386. И все они сейчас начали активную борьбу против монополий и большого бизнеса, в которых видят своих противников как раз те самые люди, на которых вы решили опереться.

– Никаких законов не принято. Рокфеллер или стальной король Карнеги чувствуют себя так же свободно, как и раньше.

– Но начали расследование, – пояснил Столыпин. – Их обвиняют в нарушении антимонопольного закона Шермана, и я не удивлюсь, если лет через пять ту же «Стандарт Ойл» заставят разделить. И да, это дело будущего, но у Штатов достаточный запас прочности: иногда одного обещания и движения в нужную сторону бывает достаточно, чтобы снять социальное напряжение.

Японцы явно не понимали до конца, что именно он говорил, но вот Макаров – этот слушал и кивал, соглашаясь со словами и выводами Столыпина. И вот ему уже делегация сацумцев верила: Такамори только бросила взгляд на генерала и тут же вернулась обратно к Петру Аркадьевичу.

– Я правильно понимаю, вы хотите сказать, что среди американцев не найдется никого, кто захотел бы с нами сотрудничать?

– Нет, я только сказал, что крупные владельцы земли, выбирая между обещаниями республиканцев и чужаками из-за океана, да еще и другой расы – а поверьте, в Штатах очень не любят ни то, ни другое – выберут точно не вас, – Столыпин на мгновение задумался, а как бы действовал он сам, окажись перед ним такая задача. И найти ответ оказалось на самом деле совсем не сложно. – Однако в Штатах есть не только крупные землевладельцы из бывших конфедератов. Например, обычные и мелкие фермеры находятся в очень неприятной ситуации. Их давят низкими закупочными ценами торговцы, из них выжимают соки владельцы железных дорог, готовые в любой момент поднять тарифы, ну и банкиры. Эти всегда готовы дать денег, чтобы хватило на запросы первых и вторых, а потом выдавить из зажатых в угол людей все до последней капли пота и крови. Если зайти к такому фермеру без политики и просто предложить стабильные цены на хлеб и транспорт, то он, может, и не станет воевать за вас, но врагами вы тоже быть перестанете.

– То есть нужно будет вести большую работу на земле, – задумался Ито. Было видно, что он расстроен тем, что более простой вариант дал сбой.

– На самом деле это может оказаться проще, чем мы думаем, – неожиданно включился Макаров. – Америка ведь помогала Японии кредитами.

– Думаете, их после этого начнут считать своими парнями? – засомневался Столыпин.

– Если бы дело было только в деньгах, то этого, конечно, не хватило бы, – ответил генерал. – Но Якоб Шифф, когда продвигал свои инвестиции, работал и над общественным мнением. Тысячи публикаций в федеральных и местных газетах: для очень многих американцев японцы сейчас – герои. И это можно использовать.

– Кстати, а что насчет той самой еврейской общины? – подключился Лосьев. – Если те так заинтересованы в помощи Японии и умеют работать с населением, то, может, и выйти на них напрямую?

– Что-то мне подсказывает, что они больше не любят русских, чем любят японцев, – покачал головой Столыпин. – А вот кто еще мог бы вас поддержать, так это негры. Они не очень едины, недисциплинированы, но... У них есть пресса. Как раз в этом году оформилось движение Ниагары: Дюбуа, Стодарт, Брайант – они вполне могли бы дать трибуну вашим идеям.

– Думаете, правительство не заткнет тех, кто поддержит вторжение на американскую территорию? – возразил Макаров, и Столыпин был вынужден согласиться.

Действительно, некоторые демократические страны в плане единства и готовности бороться с предателями были гораздо решительнее его Родины.

– И кто тогда остается? – обвела всех взглядом Такамори. – Если сомневающихся просто уничтожат, кто остается? Кому настолько нечего терять, что мы могли бы попробовать перетянуть их на свою сторону?

– Социалисты? – предложил Лосьев, и от этих слов разом поморщились и сам Столыпин, и князь Ито.

Петр Аркадьевич сразу понял, что пусть они с этим пожилым японцем во многом и отличаются, но вот общее неприятие некоторых идей у них тоже есть.

– Даже если бы мы решили совершить эту ошибку, – принялся объяснять детали Столыпин. – СПА – Социалистическая партия Америки – уже давно осознана как опасность и медленно, но верно берется под контроль и республиканцами, и демократами. Взять те же профсоюзы, которые регулируются на уровне Вашингтона. Или новых лидеров вроде Деббса, которые вроде бы выступают за общую собственность на средства производства, но в то же время готовы терпеть любое закручивание гаек, веря, что можно добиться своих прав, просто последовательно идя на сделки с промышленным капиталом. Наивная, если честно, идея, особенно в обществе, где нет аристократии и сильной власти, которая могла бы стать арбитром этого процесса.

Было видно, что многим хочется поспорить с его тезисами, но первым опять успел Макаров.

– Вы сказали про новых лидеров. Но я так понимаю, что есть и старые?

– Даниэль де Леон, – вспомнил нужное имя Столыпин. – Он не захотел отказываться от идей 1-го Интернационала, которые продвигал еще Карл Маркс. Только борьба, только революция... Естественно, это слишком многих не устраивало, и его враги позаботились о том, чтобы делеонисты потеряли все свое влияние. В принципе, с нашими деньгами и ресурсами они смогли бы снова поднять голову, но... Они не договороспособны. А еще у них просто нет ни одной идеи, которая смогла бы объединить их борьбу и помочь нам. Ради чего кому-то поддерживать вставших на сторону захватчиков коллаборационистов и фактически начинать гражданскую войну? Что бы они ни попытались придумать, это будет смотреться просто жалко!

Столыпин обвел собравшихся победным взглядом, не сомневаясь, что теперь-то даже у Макарова не найдется ничего, что можно было бы возразить на подобный аргумент. Чистая победа.

– Жалко? – генерал внимательно посмотрел прямо в глаза Петру Аркадьевичу. – Не стоит недооценивать некоторые идеи... И как вам такая цель для возрожденных делеонистов? Прямо

и в лоб: начать гражданскую войну, чтобы... Раз и навсегда остановить войны империалистические.

По спине Столыпина пробежали мурашки, а на горле словно затянулась невидимая петля. Война против войны. Сначала это может показаться грубо и даже смешно – настолько, что делеонистам не станут мешать, но вот потом... Чем успешнее будут японцы, чем больше потерь и страданий принесет это вторжение, тем весомее будут становиться эти смешные еще недавно аргументы. Страшно...

Столыпин поднял взгляд на Макарова – и когда он только такое придумал? А потом понял, что нет, не он... Эти идеи ведь не его: все было сказано еще в 1864 году в Лондоне, но раньше просто никто до конца не понимал, насколько притягательными могут оказаться миражи справедливости и мира. Если их правильно дополнить действительно большой войной...

Неожиданно все вышло. Начинали разговор с поиска союзников в Америке, а закончили обсуждением различий между 1-м и 2-м Интернационалами. Кажется, мой комментарий с одним из тезисов Ленина про Первую Мировую оказался немного неожиданным, но именно он в итоге каким-то образом смирил и Столыпина, и японцев с мыслью о том, что в сотрудничестве с пролетариатом Америки нет ничего невероятного.

В итоге решили, что начнем прорабатывать идеи сразу по всем направлениям – фермеры, негры и рабочие.

– Мой лорд, – последней с совещания вышла Казуэ, мазнув по мне задумчивым взглядом.

Но мне некогда было размышлять над странностями переходного возраста японских принцесс – с учетом изменения целей нужно было срочно набросать новые тезисы для наших мексиканских трансляций. И чтобы они вопросов не вызвали, и чтобы начинали медленно закладывать нужные нам мысли. Конечно, с чем-то и сам Гумилев справится, но лучше помочь моему бывшему адъютанту.

– О чем задумались, Вячеслав Григорьевич? – рядом со мной задержался Огинский. Кажется, у него еще остались отдельные вопросы только по его ведомству.

– Да вот вспомнил Гумилева, – честно признался я. – Как я его отдал сначала на стажировку на корейскую башню, а потом и в Мексику – как будто лишился одной из рук. Нет, рука все же будет слишком громко, но на пару пальцев он точно потянет. Новые адъютанты втроем еле успевают то, что он делал один.

– Это да, Николай Степанович очень трудолюбив, – кивнул Огинский, тоже вспомнив парня, которого сам мне и порекомендовал. – Однако его умения все же будут полезнее нам в Мексике. Не так много людей могут и дело организовать, и в технической части разбираются, да и его литературные таланты тоже очень даже неплохи. Кстати, хотите анекдот? Вы же сказали Гумилеву отправляться на дело под псевдонимом, и он решил поменять львиную фамилию на лисью. Так его как Лисицина местные постоянно за азиата принимают. Даже в газете напечатали: сацумский гость Ли Си Цын. Хотя где Сацума и где всякие Ли и Цыны!

Я хоть уже и слышал эту историю, но все равно улыбнулся. Молодец Гумилев. Сначала-то мне казалось, что поэт – не самая лучшая кандидатура для тайной операции, но потом удалось еще кое-что вспомнить о его судьбе в моей истории. 1914 год, гремят первые сражения Великой войны, которой еще никто даже и подумать не мог приписывать какой-то номер... Так вышло, что русская интеллигенция воевать не спешила. Восемь человек из десяти предпочитали остаться в стороне, кто-то работал в госпиталях или военными корреспондентами, а вот до передовой добирались немногие. Очень немногие.

Кого я вспомнил? Катаев служил артиллеристом, дважды ранен, Зошенко – пулеметная команда, офицерский чин и пять орденов, последний из которых он так и не успел получить из-за революции. И Гумилев из той же породы – ушел добровольцем, участвовал во вторжении

в Восточную Пруссию, получил Георгиевский крест. В общем, боевой характер Николая Степановича оказался один и в том времени, и в этом. Да и опыт, полученный во время службы моим адъютантом, прошел не зря. Они, конечно, с Огинским все время на связи, но дела на месте ведет все-таки Гумилев. И запасы нефти для моторов да стали для снарядов нам опять же добывает именно он.

– Так о чем вы хотели поговорить? – спросил я у Огинского, который точно остался не просто так.

– Три новости, – Алексей Алексеевич сразу нахмурился. – Первая местная. Я только что получил доклад от капитана Дроздовского: он снова столкнулся с британскими броневиками. Те позволяют себе все больше и больше.

– К сожалению, получив право патрулировать несколько китайских провинций, мы и так добились от наших союзников в Пекине большего, чем можно было ожидать, – я в очередной раз задумался, можно ли тут что-то исправить, не скатившись в воронку будущего Афганистана, но пока в голову ничего не приходило.

Да и масштаб вовлеченных английских сил, казалось, был не настолько велик, чтобы ломать из-за них сложившееся равновесие. Или это типичная ошибка всех, кто сталкивается с британцами? Те умеют есть слона по чуть-чуть, раз за разом раздвигая границы дозволенного.

– Пока не станем спешить, – все-таки в свете американской авантюры я не решился на еще одну активную кампанию. – Продолжаем патрулирование, но я распоряжусь, чтобы наши новейшие броневики в первую очередь отправились именно Дроздовскому. Дукельский, кажется, нашел решение, как все-таки довести до ума торсионы, а с нормальной подвеской сразу открываются новые возможности. И пушку можно помощнее поставить, чтобы дальше била, и проходимость вырастет. Будет больше возможностей для маневра.

Я решил для себя, что обязательно позже лично просмотрю отчет по 12-й механизированной, а пока можно было двигаться дальше...

– Какая вторая новость?

– Из столицы, от Шереметева, – принялся докладывать Огинский. – Как у нас стало спокойнее, так сразу пошли новости с Балкан. Непокойно в Боснии и Герцеговине, ходят слухи, что Австро-Венгрия может на них напасть. А еще Сербия. Тоже слухи, но они договариваются с Болгарией, Грецией и Черногорией, и вместе точат зубы на османскую Македонию.

Я прикрыл глаза, стараясь взять себя в руки. Слухи – как же. В моем мире каждый из этих конфликтов в итоге довели до конца, добавив кирпичиков в красную дорожку к будущей войне. Вена захватила новые земли, а грозный рык Германии не дал России вступить за славянские народы. Потом сербы устроили заварушку с сначала турками, а следом и с недавними союзниками, деля добытые трофеи, и теперь уже Россия не дала Габсбургам разобраться с соседями. А потом было Сараево и выстрел в наследника Франца-Иосифа, когда сдерживать и сдавать назад никто уже не стал.

– И как эти слухи касаются Степана Сергеевича? – спросил я.

– В столице начало гулять мнение, что один из генералов 2-й Сибирской армии мог бы принести пользу на западной границе. В Польше слишком лакомое место, за которое некоторые семьи будут держаться до последнего, но вот 14-й армейский корпус, который стоит гарнизонами от Кишинева до крепостей Люблина и Холма...

– Шереметеву могут отдать 14-й корпус?

– Уже предложили. Пока неофициально, но если Степан Сергеевич согласится, то приказ подпишут в тот же день. Он писал, просил узнать ваше мнение.

Я задумался. В моей истории после поражения в Японской войне о новой никто старался не думать. Так, пара заварушек в Азии – Персия, Бухара, Коканд, Монголия... Черт, все-таки немало их было, но дело каждый раз удавалось решить довольно скромными силами. Деньги и

внимание были сосредоточены на внутренних проблемах. Военная реформа, революция 1905 года, крестьянские восстания и реакция – в общем, было совершенно не до того.

А сейчас страна на подъеме, и Николай тоже поверил в себя. Боевой генерал на границе... С таким ведь можно прийти к соблазну не спустить очередной кризис на тормозах, а сразу ответить. И Шереметев сможет, я верю! Но к чему это приведет? С другой стороны, натворить глупостей может и кто угодно другой. А свой и, главное, разумный человек сумеет и сдержаться, если будет совсем неудачный момент, и, если все же дойдет до драки, ударить так, что сдачу давать будет просто некому.

– Пусть принимает, – еще одно сложное решение. – И скажи, что я подготовлю письмо с парой советов и... Переправим ему часть наших заказов. 2-й Сибирский, даже если от него останется только один-единственный человек, должен следить за своей репутацией.

– И третья новость, – Огинский опустил голову, начиная последнюю часть разговора. – Все, что можно было сделать на расстоянии, уже сделано. Теперь мне уже лично нужно перебираться в Мексику, так что я хотел бы обсудить, кто в это время сможет меня заменить.

Раньше Степану Сергеевичу Шереметеву удавалось переложить большую часть рутины на подчиненных. Ничего криминального: сам бы он никогда не успевал то, что могли сделать они. Порой даже лучше, чем он мог предположить. Иногда хуже – тут, главное, было поймать момент, когда все начинает скатываться в Тартар, и поменять человека. Или помочь.

Примерно такая же схема была и в целом по 2-му Сибирскому корпусу, а потом и армии. Мелехов взял на себя большую часть организационных вопросов, сам же Шереметев занимался почти только своими штурмовиками. Все изменилось, когда ему пришлось поехать в столицу запускать это новое радио. Было непривычно, сложно, большую часть дел было просто не на кого переложить. Нервы от этого пошли вразнос: к счастью, Степана Сергеевича поддержали старые друзья еще со времен Лицея.

Он вначале чуть было не потерял в них веру, но они нашли его и подставили плечо. А алкоголь как универсальный растворитель помог и с концентрацией английского сплина. Иногда стало получаться даже высыпаться. И Шереметев продержался до появления первых помощников. Очень помогла с инженерами Анна Нератова с Путиловского. А еще, когда Макаров предложил проработать серию собственных передач, например, о здоровом образе жизни, Шереметев вышел на главу Русского гимнастического общества Гиляровского. Владимир Алексеевич оказался человеком немного либеральных взглядов, даже писал несколько статей о Ходынке, но предложение отойти от политики и подумать только о здоровье в итоге принял.

Так рядом с Шереметевым появился человек, которому было под силу подхватить его дела с общественными трансляциями и собственной программой. Достойная личность, на которую совсем не страшно оставить столицу, когда сам Степан Сергеевич мог бы заняться чем-то действительно важным. Собственный корпус, не где-то на востоке, а на одной из самых важных границ России. Проснувшееся тщеславие шептало, что подобного не достигал еще и сам Макаров.

Конечно, будет непросто, но Шереметев не сомневался, что справится. Даже ответ дал в тот же вечер. А вот написать о своем решении в Маньчжурию он решил в самый последний момент и даже немного подправил итоговое письмо, придумав не говорить прямо, что уже согласился, а для начала спросить совета. И это оказалось хорошей идеей. Макаров поддержал своего недавнего подчиненного и даже обещал помощь.

Сотни тысяч рублей на найм дополнительных нестроевых частей и инженеров. Генерал почему-то настаивал, чтобы Шереметев как можно больше прихватил их прямо из столицы. Насчет техники он же написал, что решит вопрос напрямую, и не успел Степан Сергеевич

разобраться, а что стоит за этой телеграммой, как на следующее утро ему доложили о неожиданной гостье.

– Вера, – представилась молодая девушка в сером неприметном пальто. – Нам с Анной написал Вячеслав Григорьевич и попросил обсудить с вами и составить точные списки того, что вам понадобится против австрийцев. И скажу сразу. Моторы и тележки для машин дадим только на один механизированный полк. Все остальное – можно обсуждать.

Глава 6

Лавр Георгиевич Корнилов проснулся пораньше, чтобы успеть забежать в госпиталь, где у княжны Гагариной в последнее время начали собираться на утренний чай те, кто чувствовал, что Макаров в последнее время свернул куда-то не туда.

– Верхний лист – самый толстый и молодой, поэтому, когда его сушат, он почти не крошится и сохраняет в себе вкус до самой последней капли, – Дмитрий Борисович Неплюев щедро делился как мудростью, так и найденной на рынке Инкоу добычей.

Он заглядывал сюда всего раз в неделю, когда ездил на доклад к Столыпину. Вообще, можно было обойтись и телеграммой, но родственник Петра Аркадьевича предпочитал держать руку на пульсе не только порученной ему большой порт-артуровской стройки, но и всех маньчжурских дел.

– Вам не кажется, что в городе в последнее время стало много японцев? – сменил тему один из офицеров. – И я имею в виду не стройки, а военные полигоны.

– Лавр Георгиевич, может быть, вы знаете? – спросила у Корнилова княжна, и разведчик поспешил покачать головой.

Если Макаров даже своей невесте ничего не рассказал, то и ему, пожалуй, стоит молчать. Пусть он и не согласен с некоторыми решениями, но все же... Разведка – это даже не служба, это образ жизни.

– У меня знакомый есть среди англичан, так те говорят, мы на французов хотим напасть. За то, что они сначала в войне не помогли, а после и вовсе наш флот задержали, – неожиданно выдал упитанный фон Бергманн.

Корнилов помнил, каким неуверенным был столичный доктор, когда только приехал в Маньчжурию, как держался в стороне, пока шла война. Но в последние недели у него словно открылось второе дыхание, и многие молодые врачи начали искать его покровительства.

– И вот опять, – вздохнул первый офицер, – штаб как решето. Никакие секреты сохранить не могут!

– Действительно, некоторые уж слишком любят играть в таинственность, – поддержал разговор Бергманн. – Вот только какой смысл давить своих, когда даже простые иностранцы уже в курсе?

Корнилову очень хотелось ответить, но пришлось сдержаться. А то борьба за правду – это, конечно, хорошо, но быть тем, кто в итоге выдаст планы Макарова, ему совсем не хотелось. Вместо этого Лавр Георгиевич снова бросил взгляд на княжну. Раньше она всегда с пылом защищала генерала, кто бы и что бы против него ни сказал, а тут – погрузилась в мысли и молчит.

– Или враг все же обманулся? – Деникин, который тоже ходил на эти чаепития, не удержался от легкого намека. – До этого генерал не раз водил за нос всех наших неприятелей.

– Ну полно вам, – Бергманн засуетился. – Все-таки одно дело – обмануть кого-то перед сражением, когда вдали от городов и сторонних глаз есть возможность сохранить тайну. А тут же все на виду! Те транспорты, на которые японцы перекупили фрахт у Рождественского. Или торговые корабли, которые якобы арендуются для отправки новых партий водорослей. Даже я заметил, что они приплывают к нам и как будто случайно задерживаются на целые месяцы.

– А у меня есть доля в Безобразовских концессиях в Корее, – заметил еще один офицер. – Так нам после войны вернули собственность, и сейчас почти весь лес выкупают или Макаров, или Сацума. Я, конечно, рад, прибыль получается неплохая, но... Это ведь тоже неспроста.

Так, за разговорами, полчаса и пролетели совсем незаметно. После этого княжна начала собираться: больных было немного, и врачи вполне могли обойтись без ее участия, но привычка – вторая натура. А вслед за хозяйкой поднялись и остальные. Корнилов хотел снова

поговорить по душам с Деникиным, но тот отошел в сторону с тем самым недоверчивым офицером, которого, как оказалось, звали Карл. И даже титул имелся – финский фрайхер, то есть барон.

В любой другой день Корнилов бы тоже с радостью присоединился к явно интересному разговору, но сегодня его ждали в еще одном месте. Неожиданно, но Огинский попросил Лавра Георгиевича о личном разговоре и ждал его к девяти утра прямо у себя дома. Пришлось ловить извозчика.

– Николаевская, 221, – Корнилов назвал адрес и на следующие двадцать минут оказался погружен в целый ворох последних сплетен.

Вообще, дорога обычно занимает гораздо меньше времени, но с утра слишком многие спешат на работу, и быстро ездить никак не получалось.

– Побыстрее бы трамваи запустили, – извозчик тоже этого коснулся. – Люди на них пересядут, и снова можно будет разогнаться. А то чем дальше, тем больше кажется, что у меня не лошадь, а черепаха. Правда, говорят, что скоро лошадей в центре и вовсе запретят – чтобы какашки с дороги не убирать. А то пахнет якобы! Но так от машин же пахнет еще больше! Конечно, если прям все, даже ваши благородия на трамваях ездить станут, то, конечно, чище будет. И тише. Но ведь не станут. Впрочем, если генерал решит, то он-то и заставить может. А совсем уж важных людей иногда и потерпеть можно.

Корнилов не удержался:

– И кого бы вы не стали заставлять ездить вместе со всеми?

– Ну, – извозчик явно не привык, что ему отвечают, и сначала растерялся. – Думаю, 1-й и 2-й класс по табели о рангах могут машины использовать. Да даже 3-й и 4-й тоже: все-таки генералы, как с ними иначе. А вот те, кто ниже – если сами по себе, путь с народом едут, а если по заданию, то можно и машину, но опять же не личную, а от полка или дивизии. Чтобы не злоупотребляли.

Корнилов, который сначала принял извозчика за одного из ветеранов, понял, что ошибся. Этот был явно из бывших интеллигентов, которые раньше в народ ходили, потом губернаторов взрывали, а теперь все чаще появляются в Маньчжурии, словно в поисках какого-то своего Эльдорадо.

Тем временем они доехали до места, Корнилов расплатился, добавив целый рубль за храбрость и интересный разговор, а там его заметил Огинский и даже помахал рукой из окна. Внутри дома Алексея Алексеевича неожиданно оказался настоящий хаос. Все слуги бегали туда-сюда, а в кабинете самого поручика на полу оказался огромный чемодан чудовищно рыжего цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.